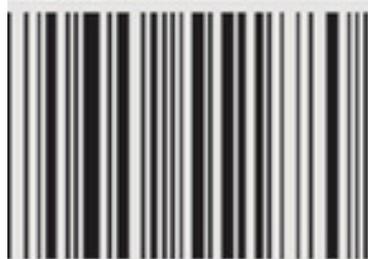

Детектив & Путешествие

ИЗ ИНДИИ
С ЛЮБОВЬЮ

ЮЛИЯ
АЛЕЙНИКОВА

Детектив-Путешествие

Юлия Алейникова

Из Индии с любовью

«ЭКСМО»

2012

Алейникова Ю. В.

Из Индии с любовью / Ю. В. Алейникова — «Эксмо»,
2012 — (Детектив-Путешествие)

Отправляясь в захватывающее путешествие со своим горячо любимым супругом, Юлия Ползунова даже не догадывалась, какие приключения им подкинула судьба. Оказавшись на необитаемом острове посреди океана, Ползуновым пришлось бороться за выживание и строить предположения, кто всевозможными способами пытается избавиться от них. Когда океанский лайнер все же спас их от голодной смерти, невидимые преступники изменили свою «убийственную» тактику. Они и неполадки с тормозами в машине устраивали, и яд в еду подсыпали. Но Ползуновым все нипочем! Кому же все-таки успели насолить Василий, его супруга Юля и их дети? И почему вместо семейного отдыха им всем необходимо спасать свои жизни и искать злоумышленников по всей Европе и даже в просторах далекой Индии?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Юлия Алейникова

Из Индии с любовью

Глава 1

– На, держи. Надеюсь, на этот раз я ничего не забыл?

Я открыла глаза и посмотрела на креманку. Шарик фисташкового, апельсиновое, взбитые сливки, шоколад, вишенка, вроде все. Обожаю мороженое!

– Спасибо, Вась! – Я обернулась к шлепнувшемуся в соседний шезлонг мужу.

Полдень, дурманяще пахнет соснами и морем. Мы беззаботно лежим у бассейна, лениво подставив солнцу загорелые тела. Встаем когда хотим, едим что захочется, делаем что вздумаемся. И никто никому не мешает.

Я положила в рот ложку нежного, тающего мороженого и взглянула на море. На яркой, мерцающей на солнце поверхности белели четкие штрихи яхт. Паруса бесшумно скользили по бирюзовой глади, как зачарованные.

Фантастика! Я лежу на террасе собственного дома, на собственном лежаке, у собственного бассейна, люблю Средиземным морем, раскинувшись до самого горизонта, а рядом со мной сопит на припеке любимый мужчина.

Я взглянула на Васю: да, возможно, его лысоватая, похожая на кочан голова и мощный затылок вовсе не исполнены романтики, а грузное, подбитое жирком тело не отличается особым изяществом, но зато все это – мое, родное и любимое. И для меня совершенно не важно, как он выглядит, во что одет, а важно, что на него я могу положиться, как на саму себя, и я уверена, что, если придется, он заслонит меня собой. Много вы видали таких мужчин? То-то! И хотя сейчас мы пребываем в состоянии беззаботной эйфории, но еще полгода тому назад мы с Василием, рискуя жизнью, колесили по Европе, скрываясь от бандитов и от властей, рискуя в любую минуту расстаться с жизнью.

Признаться, за последние месяцы произошло так много приятных событий, что все пережитые нами кошмары уже стали забываться и уплывать в область чего-то далекого, несущественного.

Мой брак привнес столько изменений в мою обыденную, устоявшуюся жизнь... для тех кто не знает, сообщаю, в январе я вышла замуж за олигарха! Не подумайте, что я – юная красавица с ногами от ушей и бюстом, как у Памелы Андерсон. Ничего подобного. Я обладаю хоть и не отгаликивающей, но все-таки вполне заурядной внешностью. Фигура у меня еще вполне приличная для матери двоих детей, семнадцати и девятнадцати лет. Но муж меня любит не за фигуру: после энного количества браков с моделями ему захотелось простого человеческого счастья, уюта, борщей и крепкого тыла. Нормального дома, где тебя ждут и любят, не за что-то, а вопреки всему.

Мы всем семейством отдыхали на Лазурном Берегу. Именно здесь год тому назад началось захватывающее приключение, которое свело меня с Василием Никаноровичем Ползуновым. Видимо, в память об этом он и купил этот дом.

Домик небольшой, уютный, во всяком случае, таким он кажется мне теперь. Пять спален плотно заняты моими домочадцами. Хозяйскую спальню, понятно, заняли мы с Василием, еще в одной разместились моя сестра с мужем, остальные три оккупировали наши дети, по два человека на комнату. Детей у нас много: двое моих от первого брака – Вероника, девятнадцати лет, и Денис, почти семнадцати, день рождения у него через месяц, в июле. Двое Ползуновых-младших, от первого брака Васиной детки: Павел, двадцати трех лет, и Анечка, ей недавно исполнилось шестнадцать. Оба приехали недели полторы тому назад и пробудут с нами еще

пару недель. И, наконец, дети моей сестры Наташки, парочка пятнадцатилетних головорезов. В силу своего переходного возраста они создавали нам хлопот больше, чем все остальное население виллы, вместе взятое. Жили они в одной комнате, потому что другие комнаты делили между собою Вероника и Аня, плюс Денис и Павел. Дни и ночи напролет из комнаты близнецов неслись вопли, писк и ругань. И, честно говоря, мы уже считали часы до конца недели, поскольку именно в воскресенье они должны были отбыть с родителями на родину. Остальные жильцы дома вели вполне мирное сосуществование.

Павел давал нам с Вероникой уроки игры в теннис – я всю жизнь обожала в него играть, хоть толком и не умею, теперь вот наверстываю, тем более что у нас собственный корт. Еще мы все вместе осваиваем дайвинг, с профессиональным инструктором, разумеется.

Ах, как приятна и легка жизнь миллионеров!..

– Сам дурак! Недомерок прыщавый! – грубо ворвалась в мои неторопливые розовые мысли жестокая реальность, а за нею – и племянники.

– Сама крыса! Конопатая тощая крыса!

Эти вопли перекрыл рев разбуженного Василия. Ему, мирно дремавшему, на лицо упала мокрая, грязная, холодная половая тряпка. Где они ее взяли?

– Уберите отсюда этих поганцев, пока я их не придушил!

– Мама! Дядя Вася нас убить хочет!

– Дети! Прекратите шуметь, извинитесь перед Василием Никаноровичем и идите завтракать, – вставила свое слово их «счастливая мать».

– Да уймите вы этих мелких троглодитов! Дайте хоть один день выспаться нормально! – открылась балконная дверь девичьей спальни.

– Да сколько же можно орать?! С ума вы все посходили, что ли?! – выступил и Денис.

Не слышно было только Анечки и Павла. Удивительно воспитанные молодые люди, не то что наше семейство.

Чтобы не слышать их дальнейших препирательств, я нырнула в бассейн. Отсижусь на дне!

Минут через пятнадцать, нанырвавшись и наплескавшись вволю, я тихонько выглянула из-за бортика. Тихо. Я вылезла из бассейна. Любопытно, куда все подевались? Ну, Наталья с семейством в столовой, это ясно, потому что тут тихо. Вы спросите, где логика? Объясню. В доме имеется небольшой штат прислуги. Садовник, он предпочитает работать с утра пораньше, пока не жарко, его мы почти не видим. Повар, он на посту весь день, до семи вечера. И две горничные, Лизетт и Мари. Весь штат владеет французским и английским языками, поэтому молодое поколение быстро с прислугой освоилось и наладило дружеский контакт. Дениска, например, может высунуться в коридор и заорать на весь дом: «Лиза, ты мой мобильник не видела, я его вчера под стол уронил?»

Мы с Василием, в силу нашей лингвистической безграмотности, полноценно владеем только русским, и хотя я последние полгода усиленно штудировала английский, уровень моих знаний по-прежнему далек от желаемого. Василий же искренне считает, что его капитал с лихвой окупает все его несовершенства. Отсюда проистекает его, огорчающая меня, натянутость в наших отношениях с прислугой.

Что же касается Наташки с семейством, то они и вовсе комплексуют из-за всех этих барских замашек, как то: уборка постелей и комнат, обслуживание за столом и так далее. Комплексы свои они прячут за излишней чопорностью, поэтому, что бы ни вытворяли младшие Прутиковы, стоит появиться кому-то из горничных, как все семейство с чинными лицами принимается разыгрывать некий великосветский раут. Вот и сейчас, судя по блаженной тишине, я безошибочно угадала, что они завтракают.

Обсохнув на солнышке, я отправилась на поиски Василия, мне хотелось узнать его планы на день. На корт можно не заходить – ему там делать нечего, в столовую тоже, может, он

в бильярдной? Я спустилась в цокольный этаж, осмотрела в полумраке все диваны: никого. Странно, где же он? Поднимаясь по лестнице, я встретила Веронику.

– Ты Василия не видела?

– По-моему, он у забора стоял, с Петром Афанасьевичем трепался.

Петр Афанасьевич – наш сосед. Уже когда мы купили виллу и въезжали сюда со свойственным нам шумом и гамом, выяснилось, что нашими соседями справа являются русские: некое семейство, откуда-то с севера, муж, жена и двое их отпрысков, впрочем, уже довольно-таки взрослых и тоже семейных, со своими детьми. У родителей своих они появлялись нечасто, иногда привозили погостить внуков. Так что нашему соседству соотечественники только обрадовались. У нас сложилась вполне российская дачная атмосфера, когда можно поболтать ни о чем, стоя у ограды, или заглянуть без приглашения на чашку чая или бокал вина, а то и на ужин. Петр Афанасьевич пристрастил Василия к рыбалке, у него своя большая лодка или небольшая яхта, смотря как оценивать. Теперь они оба почти каждый день пропадают часа по три по утрам или на закате. Улов обычно не ахти какой, хотя попадаются и вполне достойные рыбы экземпляры, тогда устраивается званый ужин у счастливого рыбака, на который обязаны собраться абсолютно все обитатели обоих домов, и с помпой и фанфарами к столу подается свежеприготовленная добыча. Все едят с аппетитом и нахваливают «кормильца».

Решив не мешать мужской беседе, я отправилась в столовую, попить чайку за компанию с остальными.

Прутиковы, восседая за столом с прямыми спинами и тоскливыми глазами, тщательно пережевывали завтрак. Мари легкой тенью скользила вдоль стола, подливая им чай и собирая опустевшую посуду. Вероника намазывала тост и облизывала пальцы, испачканные джемом.

– Вероника, – многозначительно посмотрела на нее Наташа, – это неприлично, здесь же люди, что о нас подумают? – и она покосилась на горничную.

– А что? Визжать, орать и драться, гоняясь друг за другом по всему дому, – ты это считаешь более приличным?

Наталья залилась краской.

– Девочки, да ладно вам, – примирительно протянула я.

– Конечно, ладно. Ну, кидаются люди друг в друга жратвой, ну, попадают в кого ни попадя – эка невидаль! И принцы крови так, бывает, развлекаются! Ну, разбили сервиз, другой, спагетти на диван вывернули, и всего делов-то! – язвительно продолжила наша барышня.

Не подумайте, что Вероника – строгий блюститель правил поведения, еще совсем недавно они на пару с Денисом устраивали такое, что Натальиным деточкам и не снилось. Просто вчера сладкая парочка моих племянников, выясняя в очередной раз отношения, начала кидаться друг в друга едой и ненароком попала прямо в Веронику пастой с морепродуктами. И это бы еще ничего, но при сем присутствовал Павел! Спасло их от смерти только стремительное бегство. Теперь вы понимаете, что обида была еще слишком свежа, и Вероника не упускала случая, чтобы припомнить несчастным родителям все выходки их чад.

– Юля! Это невозможно! – истерически взвизгнула моя сестрица. – Если мы здесь лишние, мы немедленно собираем чемоданы и едем в аэропорт! А если нет нужных билетов, мы пару дней поживем в зале ожидания.

Это в Наташке проснулась наша мама: дело в том, что в детстве мамуля начиталась книжек про Зою Космодемьянскую и прочих пионеров-героев, и с тех пор желание «пострадать за правое дело» просто впиталось в каждую клетку ее мозга. Но жить ей посчастливилось в мирное время, профессия маме тоже досталась отнюдь не героическая – она филолог, так что всю свою нерастраченную жажду страданий она выплескивает по поводу мирных жизненных ситуаций. Натка, будучи ребенком домашним, а не детсадовским, переняла эту особенность (с самого детства) от нашей мамы, и теперь по любому поводу она пытается достичь истинного шекспировского накала страстей. Высокое самоотречение, гордо поднятая голова, готовность

жертвовать собой ради других – вот что читалось в ее взоре. Но, увы, добиться подобного эффекта в нашем эмоционально закаленном семействе не так-то просто!

– Что, опять чемоданы собираешь? – послышался насмешливый голос Василия. – Расслабься! Через пять дней сам вас в аэропорт отвезу. Ну, хватит дуться. Никому вы не мешаете, все вас здесь любят, даже Вероника.

Вероника довольно ухмыльнулась. Наташка стерла слезу. Во время этой сцены ее муж Сева спокойно доел кашу и принялся за творожное суфле. В аэропорт он явно не собирался, и вообще, Наткин супруг отличался на редкость флегматичным характером, что вполне понятно – кто другой выдерживал бы эти нервные припадки «великого страдальца», как в шутку называл Натку наш отец?

Сестрица утерла последние слезинки и заела свое горе двумя кусками шоколадного торта – она обладала одной счастливой особенностью: сколько бы ни ела, все равно оставалась худой, как щепка. Я такой конституцией, увы, не обладаю, поэтому всю жизнь сижу на различных диетах и борюсь со своей страстью к тортам и пирожным.

Тем временем близнецы закончили трапезу, чинно поблагодарили всех за завтрак и не спеша покинули столовую, аккуратно прикрыв за собой дверь. Минуты через три мы услышали уже привычный рев и топот. «Том и Джерри», как прозвал их Денис, вновь принялись за старое. Присутствующие в столовой люди сделали вид, что они ничего не слышат.

Когда я выходила из-за стола, вниз спустился Павел, а за ним и Аня, последним появился Денис. Вчера вся эта компания ездил в Ниццу на дискотеку, во сколько они вернулись, я не знаю. Но скорее всего, уже под утро.

– Вася, у нас есть какие-нибудь планы? – спросила я наконец у мужа.

– Да, сегодня мы все вместе едем ужинать в одно классное место, Леха нас туда отведет.

Леха – наш новый знакомый, вообще-то он Алексей Александрович, солидный интеллигентный мужчина средних лет. Раньше он работал по научной части, совершил какие-то важные открытия, создал себе имя и сумел получить пару лицензий на свои изобретения, имеющих некое практическое значение. Теперь он живет на дивиденды, не так шикарно, как мы, но на жизнь во Франции ему хватает. У него приличная квартира в небольшом доме, неподалеку от моря, живет он один, о семье ничего никогда не говорит, а лезть к нему с вопросами – это как-то не совсем удобно. Живет он в Ницце уже пять лет и прекрасно знает город. Познакомились мы практически на улице. В один из первых дней после приезда мы гуляли по городу и забыли, где оставили машину. Поскольку в нашей семье тихо разговаривать никто не умеет, все орало хором и тянули друг друга в разные стороны, пока кто-то не окликнул нас спокойным негромким голосом:

– Извините, что вмешиваюсь, не мог удержаться, услышав речь своих соотечественников. Разрешите представиться: Стасов Алексей Александрович. Местный, так сказать, житель. Может, я смогу вам помочь? Опишите, как выглядело то место, где вы оставили авто?

Мы хором принялись делиться с ним своими воспоминаниями. Через пятнадцать минут мы уже стояли возле нашей машины. Оказывается, она была за углом.

После этого мы предложили новому знакомому выпить с нами кофе. Ребята унеслись по своим делам, пообещав через час вернуться, а мы присели за столик в ближайшем кафе. Стасов оказался приятным, легким собеседником, был он родом из Новосибирска, но это было почти все, что он рассказал о себе. Зато он охотно поведал нам о городе, о его жителях, об их нравах, привычках, о том, что интересного здесь происходит, в каких ресторанах что подают, что нам стоит посмотреть, кроме общеизвестных достопримечательностей. Мы разговорились и не заметили, как пригласили его в гости, а через неделю он уже стал своим человеком в нашем доме.

Так вот, видимо, Алексей нашел новое хорошенькое место, где вкусно кормят. Он был истинным гурманом, и на его суждения всегда было можно положиться.

– О'кей. Значит, до шести все свободны? Надо сказать Пьеру, что мы не будем ужинать дома.

Днем каждый занимался чем хотел, лично я видела семейство только за обедом, и то не всех, Наталья взяла свое беспокойное потомство и увезла ребят в город, на пляж. От нас подальше. Очень человечный жест! Мы с соседкой Ритой опробовали новый рецепт маски, присланный ей из Америки по e-mail вчера вечером: смешать дольки маракуйи, персика и яичный белок, нанести на лицо и час подержать. Результат меня с ног отнюдь не сбил, но и хуже не стало. Потом мы трепались у бассейна. А после обеда Павел давал нам с Вероникой очередную урок игры в теннис на корте. Часов в пять все потянулись на ужин.

Не мудрствуя лукаво, я надела белые льняные штаны и такую же тунику без рукавов. Свободно, легко, удобно! Кожаные сандалии из тоненьких ремешков с камешками и вышивкой. Яркую торбу – под мышку, очки – на нос.

Вероника встретила меня в коридоре следующей репликой:

– Мать, ну ты с ума сошла?!

– А что такое?

– Ты не боишься, что Василию надоест жить с бесформенной клушей и его опять потянет на модели? Тем более что на улице отнюдь нет недостатка в хорошо «сформированных» молодых искательницах больших состояний. Марш переодеваться!

Я понуро поплелась в свою комнату. После недолгих раздумий я надела довольно-таки откровенное платье, сшитое по фигуре, с открытой спиной, и босоножки на шпильке. Комфорта никакого, но эффект – налицо.

Я вышла к машине.

– Ну что ты так вырядилась? Не могла попроще одеться? Самой же будет неудобно. Ноги потом устанут. Где твой брючный костюм, белый такой, балахонистый? Мне он очень нравится, – встретил меня муж.

Я злобно стрельнула глазами в Веронику, в ответ она передернула плечами, мол, кто этих мужиков поймет? Переодеваться уже явно поздно, придется ехать так.

Ресторан располагался за городом, на бывшей ферме, в окружении виноградников. Одноэтажные каменные строения с черепичными крышами, старые акации свесили почти до земли свои тонкие пушистые ветви. По периметру двора расставлены четыре больших струганых стола, окруженные скамьями и громоздкими стульями. Скамьи покрыты пестрыми половиками. Штакетники, увитые виноградом, защищают гостей от лучей солнца. Мы приехали уже на закате, и хозяйка расставляла на столах и деревянных чурках плоские со свечами, ее муж, уже совсем старенький, но еще с живыми, горящими озорными глазами, зажигал масляные светильники на подставках и фонарики, подвешенные к краю низкой крыши.

Алексей Александрович был прав, место и вправду чудесное. Пока мы усаживались, двое поваров, похоже, дети хозяев, развели на улице огонь и мастерски насадили на вертел барашка. Через минуту в воздухе поплыл аппетитный запах жареного мяса. На наш стол поставили кувшин вина, сыры, фрукты, большое блюдо с зеленью и овощами.

Кроме нашего, заняты были два столика в доме и один большой стол на улице. Все остальные посетители, похоже, были завсегдатаями, поскольку запросто болтали с хозяевами.

Когда мы уселись и сделали заказы – все без исключения захотели отведать барашка, – на улицу вышли четверо музыкантов со скрипками, виолончелью и аккордеоном.

Совсем стемнело, пахло землей, виноградом, шипело, капая в огонь с вертела, масло. Народ загомонил все громче и веселее. Стасов травил байки из жизни новых русских за границей, причем невозможно было понять, где в его рассказах вранье, а где правда.

– «Ты представляешь! Ужас какой: за дверью там очередь, а я «спускалку» никак не найду, что, думаю, за туалет такой! Елки-палки! Так оставить – стыдно, иностранцы в очереди галдят, пришлось мне руками воду из раковины зачерпывать и в унитаз выливать, минут пят-

надцать я так мучился; наши бы давно дверь снесли, а эти терпят; вышел наконец, взмыленный весь, и как только дверь за мной закрылась, как в туалете само все смылось, да еще как бурно! А я, дурак, мучился!» – закончил рассказывать очередной анекдот Алексей Александрович. – А вот еще случай был, когда я в Америку в первый раз летал...

Вечер проходил живо и весело. Лизка и Макс, мои племянники, унеслись куда-то сразу после горячего блюда, и Наташка тоже смогла расслабиться – когда мы ехали в ресторан, деток рассадили по разным машинам, чтобы они нам мозги не компостировали. Так что сейчас они, небось, всю наверстывают упущенное.

Заиграли какую-то веселую мелодию, типа польки, сразу захотелось танцевать, тем более, что народ уже потянулся на утоптанную площадку посреди двора и выстраивался парами. Я посмотрела на Василия. После второй порции мяса он пребывал в состоянии полного довольства собой и миром, ни к каким танцам явно был непригоден. Увидев мой огорченный взгляд, Стасов, как истинный джентльмен, подал мне руку, и мы отправились на площадку. Вероника вытянула из-за стола Павла, прочие все остались сидеть.

Фигур танца мы не знали, но, глядя по сторонам, быстро сориентировались и уже минуты через две всю отплясывали. Когда в одном из пар кавалер приподнимает барышню на руках и ставит ее по другую сторону от себя, а барышня подпрыгивает, чтобы кавалеру было легче, я подпрыгнуть не успела и почувствовала, как меня, словно пушинку, оторвали от земли и играючи переставили на другое место. Я обалдела посмотрела на партнера. Обычно слегка сутулая, долговязая фигура нашего ботаника сейчас смотрелась совсем иначе. Плечи расправлены, атлетический торс просвечивает из-под рубашки, голова гордо поднята. К тому же, как легко и ловко он двигается! У меня по коже пробежал неприятный озноб. Мне стало как-то не по себе... Дело в том, что полгода тому назад некий атлетически сложенный, высокий красавец блондин пытался лишить нас с мужем жизни. И, хотя его разметало в прах – он взорвался в собственной машине, слетев с горного серпантина в обрыв, – я испытала явное дежавю. Но в следующую секунду Алексей Александрович посмотрел на меня своим мягким, как бы извиняющимся взглядом, и это неприятное чувство прошло.

Глюки, натурально, глюки. Ничего общего у нашего академика – так мы между собой окрестили Стасова – с тем уже покойным злодеем нет. Длинный – да, но сутулый, и вовсе не такой уж красавец. И, когда идет, вперед носками внутрь загребает. Да и вообще, отчего меня понесло в эти неприятные воспоминания?

Я тряхнула головой, и мы плавно поплыли по полу под музыку фокстрота.

– Где вы так хорошо научились танцевать? – спросила я.

– Знаете, я сутулюсь всю жизнь, и мама в детстве, чтобы с этим покончить, отдала меня на занятия бальными танцами. Ребята в классе надо мной жутко тогда смеялись, но зато через пару лет с девушками у меня проблем не было. А сутулиться я так и не перестал, – ответил Алексей.

Через пять дней мы провожали семейство Прутиковых. Багаж они уже сдали, и мы перешли к «трогательной» части ритуала прощания.

– Ну, счастливо долететь!

– Спасибо, дорогие, извините, если что не так!

– Да что ты, приезжайте, когда захотите; родителей от меня расцелуй!

– Конечно! Звоните, не забывайте!

– Слушайте, хватит из себя дур строить! Мы что, в эмиграции на всю жизнь остаемся? Просто на даче летом отдыхаем. Не помню, чтобы вы перед поездкой, например, в Луговское вот так прощались.

Мы смущенно посмотрели друг на друга. Наверное, это аэропорт как-то странно воздействует на наши неизбалованные частыми путешествиями умы.

Мужчины, молча стоявшие рядом, пожали друг другу руки и сдержанно пробурчали один другому: «Ну, давай». Простенько и со вкусом.

Посадка в самолет закончилась, и мы с Васей и детьми направились к машине.

– Ну, наконец-то! Блаженное спокойствие! Еще пара дней, и я бы поубивала этих питекантропов! Mam, если они в чувство не придут, на следующее лето их не приглашай! – заявила Вероника.

– Не волнуйся, придут. Вы с Денисом еще похуже их были в свое время.

– Да ладно, хуже уже некуда.

– Есть, солнышко, есть куда. Уж поверь мне! Кстати, когда ваши гости грозились прибыть?

– Вика приедет на месяц, в августе, но она ни в кого макаронами кидаться не станет. Позже, числа пятого приедут Джон и Лиз, а после них – Том и Ник, еще на неделю.

Вика – подруга детства моей Вероники, в старших классах они являли собой этакую стержозную парочку типа «не разлей вода». Остальных ее друзей я никогда не видела, с ними Вероника познакомилась в прошлом году в Англии, во время стажировки. Этим летом она тоже хотела поехать в Лондон поработать, но Василий решил, что нечего ребенку надрываться, летом надо отдыхать, и перевел ее на учебу в престижный английский университет, где учился и Павел, таким образом устроив ей и поездку в Лондон, и летний отдых. Вероника ничего против не имела, особенно ее, кажется, вдохновила перспектива совместного с Павлом обучения.

– А твои когда приезжают? – спросила дочь.

– Какие мои? Ко мне только Костик приедет. Но зато – на целый месяц! Ох, и оторвемся! Вася, а Павел с Анькой когда уезжают? – поинтересовалась я.

– Через две недели, они с матерью в Индию поедут, а потом на дачу.

– Что им на даче-то делать, могли бы потом снова к нам махнуть.

Милый мальчик, крепко он подружился со сводными братом и сестрой, растроганно подумала я. А вот Вероника, похоже, Аню недолюбливает. Видимо, ревнует ее к Павлу. Он действительно очень трогательно заботится о сестре. Опекает ее, словно отец родной. Похоже, после ухода Василия из семьи он почувствовал себя единственным мужчиной в доме и решил стать для матери и сестры надежной опорой.

Итак, через две недели уедут Павел и Аня, еще через две явятся четверо гостей, потом двое уедут, а двое других приедут... И еще в сентябре собирались приехать наши родители. Летом они ни в какую не согласились бросить родную фазенду. Посадка, прополка, поливка... Помидорчики, огурчики и прочая ботаника. Типичный вариант советского дачника. Конечно, свои помидоры вкуснее магазинных, но ничто на свете не заставит лично меня отдаться этим простым радостям садоводства.

У нас с детьми тоже есть домик в деревне, достался он мне от бабушки с дедушкой, но там не растет ничего, кроме яблонь, вишен и смородины, потому что их посадили еще бабуля с дедулей, а овощи мы покупаем у местных жителей: и им доход, и нам хорошо. Наталья «сдает» на лето своих оболтусов поочередно то свекрови, то нашим предкам, дача ей не очень-то нужна. А родители уже давно построили себе дом в садоводстве, недалеко от города. Так что бабушкино наследство поступило в полное мое распоряжение. И, надо сказать, оно здорово нас выручало, поскольку возможность выезда куда-либо, кроме деревни, имелась далеко не всегда. Когда бабуля с дедулей были живы, с моими отпрысками сидели они, а когда их не стало, пришлось нам как-то выкручиваться: месяц с детьми на даче сидела я, месяц – муж и месяц – свекровь, бывшая.

Так, о чем это я? Ах да! Родители приедут в сентябре, сбор урожая и закатку банок они доверят Наташке. Уж она-то с этим справится! У моей сестрицы есть специальный талмуд, куда она заносит из года в год всю информацию о своих «заготсвершениях». Сколько чего она собрала, сколько закатала, кому что отдала, кто сколько сдал пустых банок... Все аккуратно,

по системе. Мать со свекровью просто визжат и плачут – какая, мол, хозяйка! Какое сокровище для семьи! Баночки у нее все со специальными этикетками – год изготовления продукта, состав, – все указано, умереть, не встать! Не то что я, об этом мать и бывшая свекруха тактично молчат, только вздыхают и косятся на меня неодобрительно. Ну, такой уж я уродилась!

«Мерседес» несся по автостраде, Василий подпевал музыке из приемника, дети глазели в окно. Неожиданно какой-то лихач на спортивной машине беспардонно подрезал нас и скрылся, петляя в потоке транспорта. Василий резко дернул руль вправо, машина вильнула...

– А-а! – заорала Вероника, сидевшая на первом сиденье. – Тормози!

– Тормоза! – заорал и Василий, крутя руль и изо всех сил пытаясь избежать столкновения.

Мы с Денисом завизжали, сидя сзади, вцепившись в края наших сидений.

– Василий, тормози! – голосила я что есть мочи.

– Тормоза отказали! – орал в ответ взмокший от напряжения олигарх.

Не может быть, чтобы у нашего новенького, только что купленного специально для перевозки гостей «Мерседеса Виана» отказали тормоза! Где обещанное качество? Это что, «Запорожец»?!

– Скоростью тормози! – посетила вдруг здравая мысль Веронику. – Ну, педаль отпусти!

Кое-как, одуревшие от страха, мокрые, как мыши под метлой, мы оказались на обочине.

– Уф, – вывалился из машины мой муж и буквально рухнул на землю.

Беднягу от пережитого отказались держать ноги.

– Ну, я им в сервисе устрою! Они меня надолго запомнят! Я им весь концерн перетряхну! – бушевал он.

Спустя час мы выгрузились из машины у нашего дома. Машина была отбуксирована в сервис, нам принесли многословные извинения. Но ноги у меня все еще подрагивали. Бледность сойдет с наших лиц, наверное, не раньше чем через неделю.

– Вылезайте, мне еще по делам надо прокатиться, – возвестил Василий.

– Ты что, спятил?! Иди домой, прими корвалол – и в койку! – возмутилась я.

– Не могу. С мужиками договорился, – сказал он, захлопывая дверцу прикатившего по вызову такси.

Хорошо, хоть сам за руль не полез. В гараже стоял его любимый «Лексус».

Последние дни они с Алексеем и Петром Афанасьевичем где-то постоянно пропадали. Любопытно, где?

– Куда вы собрались? – спросила я торопливо, пока такси не уехало.

– Да так, снасти новые хотим посмотреть.

– ?!

– Петр решил попробовать на крупную рыбу пойти, нужно спецснаряжение.

Темнит! Может, Вероника права, и мне действительно стоит побольше внимания уделять своей внешности и мужу тоже? Не поехать ли мне в салон красоты? Лучшее средство от шока – расслабляющий массаж.

– Вероника! Не составишь мне компанию? Я хочу посвятить остаток дня себе, любимой, в СПА-салоне.

– Давай! Я готова!

– Ты поведешь?

– Ну конечно!

Мы предупредили Дениса, загрузились в красную «Мазду»-кабриолет, подарок Василия Нике к окончанию первого курса – ох, он вконец избалуется мою банду, – и отправились в город.

Я блаженствовала во время сеанса массажа, когда зазвонил мой мобильник.

– Алло? – пролепетала я сонным голосом.

– Юлька, привет! – бодро отрапортовал Остроухов (кто не знает – мой шеф).

Возможно, кому-то это покажется странным, но я все еще работала. Заместителем директора в агентстве недвижимости «Большой мир». С недавнего времени я вошла в состав учредителей, внося определенную финансовую лепту. Теперь мы с Володькой были равноправными партнерами. Работа риелтора, к счастью, не предполагает постоянного сидения в офисе, а иногда можно позволить себе и вовсе там не появляться. Хотя, конечно, почти четырехмесячное отсутствие на работе позволялось мне только в связи с моим новым статусом жены миллионера. Благодаря своим новым знакомствам я привела в фирму парочку весьма состоятельных клиентов, чем значительно упрочила благосостояние сотрудников родимой конторы. К тому же, основная моя задача – контроль за профессиональным уровнем рядового состава – теперь успешно решалась двумя опытными менеджерами, приглашенными недавно к нам на работу. Меня же теперь беспокоили только в случае возникновения различных нестандартных ситуаций.

– Привет! Что у нас стряслось?

– Как тебе отдыхается?

– Нормально, я же тебе позавчера рассказывала. Что у тебя?

– Тут Булевский мужика одного привел, он ищет целое здание под офисный центр, можно старый недострой, цеха какие-нибудь. Сумма такая, что вслух я ее называть не буду. Как ты думаешь, это возможно?

Остроухов – полный профан в недвижке и учится делу по ходу пьесы, его задача на первом этапе существования фирмы сводилась к поиску и заманиванию клиентов. Теперь эту функцию в основном выполняю я. Вот и Булевского я к нам притащила, с ним меня познакомил Василий на каком-то приеме. Жутко состоятельный мужик, мы неплохо заработали на его заказе, видимо, он остался доволен, раз привел приятеля.

– Вовчик! Нет ничего, с чем мы бы не справились. Поручи это Татьяне Ивановской, она отработает.

– А сколько коммисов брать?

– Ну, уж с этим ты и без меня разберешься. Посмотри ему в глаза и реши. Чао! Привет жене.

Я отключилась.

Через пару часов мы с Вероникой неторопливо выплыли из салона, сияя красотой и молодостью, даже я.

– Может, кофейку попьем? – предложила я ребенку.

– Давай, может, где-нибудь на набережной посидим?

– Да ну, там очень людно. Вон, смотри, вполне симпатичное местечко. – Я указала на несколько плетеных кресел и стеклянных столиков, выставленных на улице. – Пошли?

– Ладно.

Мы мирно поедали мороженое «А-ля Богарне», когда вдруг увидели выходящего из дома напротив Василия в компании друзей и какой-то элегантной дамы примерно моих лет. Интересненько! Это она торгует снежками? И, судя по всему, на дому? Поскольку никакой магазинной вывески на доме не было.

– А я тебя предупреждала, – многозначительно подняла брови моя дочурка.

– Да что, собственно, такое? Может, они заходили к знакомой Алексея в гости, а теперь пошли выпить кофе.

Компания и впрямь зарулила в ресторан на другой стороне улицы.

– Ага, и поэтому она села рядом с твоим мужем, а он ей радостно что-то впаривает на ухо. Все они одинаковые. Что думаешь делать?

– А что я должна делать, если человек среди бела дня в компании двух друзей и какой-то дамы зашел в ресторан перекусить? Устроить скандал? Подать на развод?

– Ну-ну, посмотрим, что дальше будет.

Компания заказала шампанское, и Василий с дамой чокнулись, как будто с чем-то друг друга поздравляли, потом к ним присоединились и остальные. Минут через двадцать вся компания вышла на улицу, мужчины проводили даму до машины, Василий поцеловал ей ручку, помог сесть и захлопнул дверцу. Машина отъехала, мужики развернулись и пошли обратно в ресторан.

И что все это значит, я вас спрашиваю?! Настроение мое было безнадежно испорчено.

– Не вешай нос, кажется, еще не все потеряно. Выглядишь ты отпадно. Надо вам сегодня устроить романтический вечер, и вообще, побольше времени проводить вместе. Благо, родственнички наши свалили. Я вечером утяну всю компанию в Сен-Тропе, они давно туда соби-
рались. Телефон отключим, чтобы никто к вам не лез. Поняла?

– Да, – понуро кивнула я головой.

Вечером, как и обещала Вероника, молодежь отправилась развлекаться, а я, приодевшись и сделав вечерний макияж, отправилась к бассейну, ужинать при свечах с собственным мужем.

– У нас сегодня праздник какой-то, годовщина? Полугодовщина?

– Нет, просто хотела побыть с тобой вдвоем, в романтической атмосфере, – сладко проворковала я.

– Так. Давай начистоту! На фига эти сладкие бредни в духе моих бывших жен? Какой-нибудь бредятины начиталась? Или в салоне красоты тебе кто-то это присоветовал? Хотя, нет, ты же по-французски ни в зуб ногой! Выкладывай. Я же тебя знаю. Просто так ты такой дурью маяться не стала бы.

И что прикажете делать?

– Скажи честно, ты меня больше не любишь? У тебя кто-то есть? – рубанула я напрямик.

В конце концов, наши с мужем отношения строились именно на честности и доверии, а не на дурацких играх в стиле журнала «Космополитен».

– Что за бред?

– Не бред. Где ты все время пропадаешь?

– Ах, вот что! Успокойся, завтра ты все узнаешь. А теперь, если это все, переодевайся в нормальную одежду, бери с собой еду и пойдём вниз, посмотрим что-нибудь на большом экране. Например, «Неуловимых мстителей», или что ты захочешь. Идет?

– Идет. – Я чмокнула мужа в щеку и пошла переодеваться.

– Кстати! Звонили из мастерской. Они нашли причину неисправности. Открутилась какая-то гайка, которая держит шланг возле тормозного цилиндра, или что-то в этом роде. И вся тормозная жидкость попросту вылилась. Тормоза и отказали. И знаешь, что самое прикольное: они заявляют, что это не могло быть случайностью.

– В смысле, кто-то это сделал специально? – решила удостовериться я.

– Вот именно.

– Что за чушь? К машине, кроме нас, никто не подходил. Бред какой-то!

– Да, конечно. Просто прикрывают собственный брак. Ладно, ну их. Все живы – и слава богу. Пошли киношку смотреть.

Вечер прошел в тихой семейной обстановке. Мы, сидя в обнимку, посмотрели «Иван Васильевич меняет профессию»; так уютно, оба в пижамах, устроившись с ногами на диване, поедая черешню. Потом мы прогулялись до моря на сон грядущий и, счастливые, легли спать.

Глава 2

За завтраком Василий объявил о намечавшейся пляжной вечеринке, назначенной на четыре часа дня. Всем было велено одеться соответственно, никаких декольте и шпилек. Мы были заинтригованы. Среди приглашенных оказались Рита с Петром Афанасьевичем и, разумеется, вездесущий Алексей Александрович.

Днем мы с Василием играли в нарды у бассейна. Дети никуда не поехали и резвились поблизости от нас.

– Девчонки! Пошли в волейбол играть! – предложил Денис.

– Я не знаю, я плохо умею, – вяло пробормотала Аня.

– Пошли! Павлик, ты будешь играть? Двое на двое! Денис с Анькой, а мы с тобой.

– Лучше мы с Аней, тогда силы будут равны, – резонно заметил Павел.

Вероника сразу надулась. Компания вышла на лужайку, к сетке. Первым подавал Денис, Павел отбил, опять Денис, снова Павел, дальше мяч перехватила Вероника и со всего маху засандалила им прямо Ане в голову. Павел кинулся к сестре.

– Анечка, тебе не больно? А здесь? Голова не кружится?

– Нет, все в порядке, – тихо, как обычно, промямлила девушка.

– Вероника, надо осторожнее бить, это очень опасно!

– Нечего зевать, – раздраженно прошипела моя дочурка, тряхнув гривой выцветших на солнце соломенных волос.

Минуты через три игра окончательно разладилась. Вероника все время целила в Аню, та регулярно «тормозила», Павел квохтал вокруг сестры, а Денис призывал всех проявить спортивный дух. В итоге вся компания, надутая и недовольная, развалилась на лежаках. Денис, в котором энергия так и бурлила, встал и с разбега, с шумом и брызгами, плюхнулся в бассейн.

– Денис, можно поаккуратнее?! Ты же Анечку забрызгаешь! – съязвила Вероника.

– Да, да, – подхватил Павел. – На тебя не попало? – обратился он к сестре.

Вероника так скрипнула зубами, что даже Василий очнулся и вышел из состояния своего обычного пофигизма.

– Что случилось?

– Ничего, ходи, твоя очередь, – решила я не вмешиваться в детские разборки.

Аня встала и, предупредив брата, вяло поплелась на кухню, что-нибудь пожевать. Вероника сразу повеселела. Денис притащил свой ноутбук и перестал существовать для окружающих. У бассейна воцарилось блаженное спокойствие.

В пять часов я пошла собираться. Думаю, белые бриджи, кеды с морским рисунком и майка-тельняшка, вкуче с капитанской кепкой, будут в самый раз.

Вероника решила сразить Павла, надев коротенькие обтягивающие белые шортики и рубашечку без рукавов, завязанную узлом на подтянутом загорелом животе.

Аня оделась, как всегда, неброско. Белые слаксы, белые мокасины, синяя футболочка с вышитым золотым якорем и белая кепочка. Посмотрев на девушек со стороны, я подумала, что Вероника рядом с Аней выглядит слишком вызывающе и Павел вряд ли оценит ее старания. Мне почему-то подумалось, что в его представлении именно скромность украшает девушек. Говорить об этом Веронике было бессмысленно, потому что она до сих пор считала всех, кому за двадцать пять, в том числе и меня, доисторическими ископаемыми.

Компания загрузилась в две машины: ребята в одну, мы с Василием в другую. Интересно, как эта вечеринка разрешит мои волнения из-за мужа? Сбор приглашенных был назначен на одном из пирсов ровно в шесть. Когда мы прибыли, остальные были уже в сборе. Все, как и было им велено, в нарядах сине-белой морской гаммы. Народ вопросительно уставился на Василия.

– Дорогие дамы и господа, – каким-то странно взволнованным голосом возвестил Василий, – туш!

И туш действительно грянул. Что-то бравое, сопровождавшееся звоном фанфар. Василий торжественно взял меня за руку и повел вперед под звуки музыки. Через десять шагов мы остановились возле шикарной белой яхты, сходни которой были перекрыты алой лентой. Навстречу нам вышел капитан, неся на подушечке ножницы.

– Что это?! – поинтересовалась я сдавленным голосом.

Василий, сияя от счастья, взял ножницы, перерезал ленту и, обернувшись к присутствующим, объявил:

– Добро пожаловать на борт!

– Это что, наша?! – обалдело спросила я.

– Да, именно этим я и занимался всю неделю. Выбирал, покупал, нанимал экипаж.

– Круто!

Дети с радостными воплями кинулись осваивать новую игрушку. Во всяком случае, мои дети. Павел с Аней взошли на борт степенно, сдержанно улыбаясь.

– Ну, что вы как вареные? Не нравится? – обратился Василий к своим чадам.

– Нравится. Красиво, – как всегда, ровным голосом проговорила Анечка.

– Отлично, – внес свою лепту Павел.

– А ну вас, обмороженных! Дениска! Ника! Ну как? – спросил Вася.

– Круто! Супер! А здесь что?

– Ну, Вась, ты даешь! Обалдеть! Самая классная яхта на свете! А вон туда войти можно?

Василий, сияя от счастья, вместе с визжащими и сующими повсюду нос моими чадами помчался показывать им яхту.

Я обернулась и взглянула на Ползуновых-младших. Аня безмятежно стояла у борта, зато в глазах Павла промелькнуло выражение такой неприкрытой ненависти, что мне стало страшно. Но уже через секунду все исчезло. И я осталась в полной растерянности, не зная, было это или мне померещилось?

Эта сцена не прошла незамеченной и еще для одного из присутствующих. Стасов, тихо стоявший в сторонке, удивительно внимательно следил за всеми нами. Ему-то что за дело? Психологический эксперимент?

Настроение мое было слегка подпорчено. Надо будет сказать Василию, чтобы он был потактичнее с собственными детьми. В конце концов, это не их вина, что они выросли не похожими на него. Надо было лично заниматься их воспитанием. Тяжело вздохнув, я натянула на лицо счастливую улыбку и пошла осматривать яхту. А посмотреть было на что!

Все это белое великолепие сверкало на солнце отполированными медными – или латунными, кто его знает – деталями. Красавица была двадцати четырех метров длиной, я не вычислила сию цифру на глаз. Это – и множество других сведений – мне сообщили во время экскурсии. Поскольку счастливый хозяин умчался показывать помещение яхты наиболее восторженным ценителям, нашим гидом взялся быть Петр Афанасьевич. Я, Павел, Аня и Рита отправились за ним. Стасов яхту уже видел, потому что принимал активное участие в ее покупке, и остался пить шампанское на палубе, глядя на нас со снисходительной улыбкой.

– Пойдемте, осмотрим каюты. На яхте имеются четыре спальни с совмещенными санузлами, салон и помещения для команды, ах да, и, конечно же, камбуз. Ну и, разумеется, рубка. Одна спальня с двуспальной кроватью, так называемая мастер-рум, и две каюты с односпальными койками.

Мы вошли в салон. Гостиная в моей старой квартире была поскромнее! Слева милый угловой диванчик из белой кожи, посередине салона места вполне хватит для небольшой танцевальной вечеринки. В дальнем левом углу буфет из темного дерева, такими же панелями,

к слову сказать, был обшит весь салон, и перед ним обеденный стол на восемь персон. Стол украшал изысканный букет.

– Кстати, – пришла мне в голову интересная мысль, – а команда здесь есть? Не сами же мы будем управлять этой громадиной!

– Ну конечно. Просто Василий велел им не показываться до поры до времени.

– А где он их взял? С яхтой вместе приобрел?

– Конечно, нет! Что за дикость, Юлия Павловна? Нанял через специальное агентство.

– А сколько их?

– Капитан, два матроса и повар, то есть, кок.

– Слава богу! – Меня было посетила дикая мысль, что готовить на эту ораву придется мне. Видимо, это привычка из моей недавней незамужней жизни, доолигархического периода, так сказать.

Справа располагались музыкальный центр, телевизор, DVD, лесенка вела куда-то вниз.

– А там что?

– Внизу двухместные каюты, машинное отделение, каюты для команды, баки для топлива, в общем, ничего для вас интересного.

– А что за этой дверью? – Я показала на противоположную стену, или переборку, или как на корабле это называется?

– Там камбуз, за ним рубка, то есть, капитанский мостик, в общем, центр управления полетами. А дальше кабинет и большая спальня. Спальня с видом на нос.

– Чей нос? – не поняла я.

– Яхты.

– А-а! Так бы и сказал, а то морочишь голову... Ну что, вниз пойдём?

Тут снизу послышались голоса, и по лестнице нам навстречу стали подниматься Василий и компания.

– Круто! Ну, дядь Вась, ты даешь! – Денис, в отличие от Вероники, стеснялся обращаться к взрослому мужику по имени. – Ни фиги себе громадина!

– Супер! Отделка просто чудо! А туалет какой! Все необходимое, даже душ! – заливалась Вероника.

Василий покосился на своих детей. Аня по-прежнему блаженно улыбалась, а Павел... Удивительно, но он тоже дружелюбно улыбнулся отцу и даже добавил:

– Замечательно, пап!

Надо же, какие переходы, только что Павел убить его был готов, а сейчас улыбается, как ни в чем не бывало. Может, мне все приключилось, когда мы оба были на палубе?

Василий сразу подобрел и даже подмигнул сыну. Ну и отличненько! Мир и согласие восстановлены. Муж с ребятами пошел в рубку, а я спустилась вниз со своим провожатым.

Маленький коридорчик вел в две небольшие, но очень уютные спальни. Одна, в более нежной гамме, – для девочек, вторая, выдержанная в сине-белом колоре, – для ребят. Туалеты и впрямь, несмотря на их небольшие размеры, поражали комфортом и практичностью. Раковина, унитаз, душевая кабина, вы не поверите – биде, фен, зеркало в красивой раме висело над раковиной. Замечательно! Мы поднялись обратно на палубу, решив, что в машинном отделении нам делать нечего.

– Куда теперь?

– Посмотрим кабинет, мастер-рум, поднимемся на верхнюю палубу, а потом попросим хозяина познакомить нас с командой.

Мы перебрались по правому борту в кабинет, компактный, но оснащенный всем необходимым. Книжные полки забиты изданиями в солидных переплетах, наверняка тут все по-французски, в лучшем случае по-английски. Я подошла к стеллажу. Вау, как говорит Вероника. Книги были на русском языке.

- Это Василий специально для вас постарался, – с улыбкой заметил Петр Афанасьевич.
- Откуда он их взял?
- Заказал по каталогу. Довольны?
- Еще бы!

Устроюсь в шезлонге на палубе и буду читать Бунина, к примеру. Кайф! Письменный стол хоть и небольшой, но все же весьма практичный и милый, на нем компьютер. В кабинетик даже поместился маленький диванчик.

Перед тем как отправиться на осмотр хозяйской спальни, то есть нашей с Василием, мы заглянули в камбуз. Гранитные поверхности столов сияли чистотой, стальные раковины были наполнены приготовленными для мытья фруктами. В шкафчиках аккуратно пристроилась посуда. Оказалось, что здесь имеется даже посудомойка, а еще микроволновка, металло-керамическая варочная панель, духовой шкаф, вытяжка и пресс для мусора. Спать можно, какая роскошь!

Наконец мы попали в мое потенциальное обиталище. «Вау» я уже говорила, теперь скажу: «Ух ты!» Огромная кровать, туалетный столик, вместительные шкафы, ЖК-телевизор, DVD, маленький диванчик и, конечно, удобства. Мраморные раковины в количестве двух штук, ванна, биде, унитаз – все очень комфортно. Вид из каюты открывался на нос судна. И все это, заметьте, отделано дорогими породами дерева, отполировано до блеска и достойно королей! Во всяком случае, это мое мнение.

Здесь к нам присоединился Василий.

– Ну что, пошли с командой знакомиться, заодно и центр управления осмотрите. Потом поднимемся наверх, сфотографироваться. А потом – банкет!

Мы всей толпой отправились на мостик. Открыв дверь в святая святых всякого корабля, Василий, обведя нас широким жестом, провозгласил:

– А это моя семья!

Невольно мне вспомнился советский лозунг: «Семья – это семь я!»

Члены команды расплылись в лучезарных улыбках.

– Вот, знакомьтесь, наш капитан, Франсуа Круэ. – Вперед выступил моложавый мужчина лет сорока, смуглый, подтянутый, с гладко выбритым лицом, в капитанской фуражке, в темных брюках и белой крахмальной рубашке. – А это Эдмон и Анри, наши матросы. – Двое молодых крепких ребят, не менее загорелых, чем их капитан, сдержанно нам поклонились. – И, наконец, наш шеф-повар, великий кулинар, рекомендованный мне истинным гурманом, – Василий покосился на стоявшего на корме Алексея Александровича, – Эмилио Сантини.

Повар был итальянцем. Маленьким, худощавым, очень вертким и улыбчивым. Надеюсь, он не закормит нас пиццами, подумала я, улыбаясь в ответ. Началось представление родственников владельца яхты команде. А потом мы все отправились на верхнюю палубу, фотографироваться – на фоне моря, на фоне яхты, вразвалку на диванах, на шезлонгах под тентом, на пирсе на фоне яхты, на яхте на фоне пирса... Во всех каютах по очереди, на мостике, с командой, без команды, в салоне (опять на диванах), в салоне за накрытым столом... и еще раз десять – во время банкета. Так много раз я фотографировалась только на собственной свадьбе.

За стол мы сели после торжественного отплытия, которое было отмечено криками «ура» и распитием бутылочки шампанского.

Яхта летела по волнам, как птица, мы стояли на верхней палубе, флайбридже, глядя в окрашенную плавающими солнечными лучами закатную даль. Народ веселился на главной палубе.

- Ну, теперь ты понимаешь, чем я занимался всю неделю? – спросил Василий.
- А та тетка в ресторане? – прищурилась я.

– Бывшая владелица яхты. Мы обмывали куплю-продажу. Таков обычай, – Василий обнял меня за плечи и неуклюже потерся носом о мою щеку. – Ты же знаешь, я друзей не предаю. А ты у меня – единственная. Ну, в общем, ты поняла.

Теплый ветер надувал мою ветровку, как парус, впереди расстилалась сияющая, словно россыпь бриллиантов, гладь моря, рядом стоял надежный любящий мужчина. Какое это счастье – жить!

Глава 3

– Ребята, наплаваемся! Наныряемся! Представляете, мы пойдем на собственной яхте! Куда захотим, туда и заходим! Франция, Испания, Канары, Африка!

– Я хочу в Португалию, всю жизнь мечтала посмотреть тамошние замки!

– Мечтала – посмотришь! У нас две недели впереди, потом Пашку с Анькой домой отправим и можем дальше плыть.

Я покосилась на пасынка. Вид у него был странный, не обиженный – хотя бестактность отца вполне могла бы это оправдать, – а какой-то загадочный, как будто он знает что-то, нам неведомое. Воистину, чужая душа – потемки.

А Василий понесся дальше:

– Кстати! Мы же можем Никусю до Лондона на собственной яхте доставить! Что скажешь?

Никуся обалдела. Похоже, такой расклад в ее планы не входил.

– Ко мне же гости в августе приедут, – растерянно проговорила она.

– Ну и их с собой прихватим! – восторженно заявил муженек.

– Расслабься, он к августу уже наиграется с корабликом, к тому времени он ему надоест, – прошептала я дочери на ухо.

Она недоверчиво покосилась на Василия.

– А может, лучше вы меня в Питер отвезете? – надулся Денис.

Ему перспектива такого путешествия явно казалась заманчивой.

– Да не вопрос! – улыбнулся Василий.

– Круто!

Ну вот, хоть кто-то доволен. Этот разговор происходил накануне нашего отплытия, вещи были уже на яхте, команда готовилась к отплытию. А мой Василий Никанорович все еще бурлил и убеждал всех, как это здорово – морское путешествие.

Планы наши были размытыми и неопределенными. Главное, вовремя отправить домой Аню с Павлом, поскольку их отлет в Индию был делом решенным, с твердо назначенной датой. И хотя у Василия мелькнула бредовая идея – отвезти их в Индию прямо на яхте, но тут уж дружно восстал весь коллектив. Так что в плавании было решено далеко от берегов не удаляться и почаще заходить в порты, с целью осмотра достопримечательностей и развлечений. А дальше – как пойдет.

Отплытие, назначенное командором на десять утра, состоялось только во втором часу дня. Во-первых, все проспали. Во-вторых, несмотря на то что вещи были погружены и разложены в каютах еще накануне, каждый умудрился набрать еще по авоське всякого барахла, часть которого ребятам пришлось искать уже перед самым выходом. Потом девчонки долго делили кровати в своей каюте. Потом Василий вспомнил, что он забыл дома мобильник, и пришлось ждать, пока Мари его доставит на корабль.

Наконец мы отчалили. Первым пунктом назначения выбрали Марсель. Хотя лично мне совершенно не хотелось останавливаться в крупном промышленном городе. Но против большинства не попрешь.

До обеда мы успели облазить всю яхту и обжиться в своих каютах.

Плавание я описывать не буду, чтобы никого не дразнить. Рай – он и есть рай!

Мы шли недалеко от берега, очертания суши просматривались сквозь солнечное марево. Огромная синева моря радовала глаз всеми оттенками лазури, ближе к берегу превращаясь в чистый изумрудный цвет. Вокруг белели силуэты судов, от маленьких лодок до проплывавших вдали океанских лайнеров.

На следующее утро мы уже были в Марселе. Город меня приятно удивил количеством памятников старины. Оказывается, его основали еще греки, он был их колонией, и за прошедшие двадцать веков его существования здесь «накопилось» что посмотреть. Но визит в Марсель запомнился нам отнюдь не из-за осмотра достопримечательностей.

Во-первых, Аню укусила оса, и ее физиономию раздуло так, что она стала похожа на надувного резинового бегемота. Вероника с трудом скрывала свою радость, когда мы везли несчастную в больницу. А во-вторых, Василий поскользнулся во время прогулки по местному рынку и упал, провалившись задницей прямо в бочку со свежей рыбой. Хорошо, что там не торговали пираньями! Выковыривали его из этой бочки вдесятером, он застрял, как Винни-Пух в норе у кролика. Всю обратную дорогу нас сопровождал эскорт из кошек и собак, и самые наглые зверюги так и норовили прицепиться к его штанам.

Глава 4

В течение следующей недели мы посетили несколько маленьких городков во Франции и Испании. В Испании мы с детьми оказались впервые. Первый порт, в котором мы остановились, назывался, кажется, Рогас, вернее, это был не порт, а просто маленький приморский городишко. Запомнился он мне только посещением ресторана.

Обежав за полчаса все местные достопримечательности, включая магазины, мы решили отметить свое прибытие в новую страну обедом в местном ресторане. Внимательно изучив меню, мы с Василием и детьми заказали буйябес, а Аня – запеченное мясо. Когда хозяйка принесла кувшин вина и водрузила его на большой деревянный стол, накрытый простой холщовой скатертью, Павел поинтересовался, долго ли ждать заказа. Хозяйка любезно сообщила, что суп сейчас подадут. Павел извинился и сказал, что, пожалуй, он тоже закажет мясо, если это еще возможно.

– Ну конечно. Если вам угодно. Вы можете пройти прямо в кухню и сообщить повару, – расплылась она в улыбке.

Павел встал и отправился в кухню. Пока он беседовал с поваром, принесли дымящуюся супницу и Анино мясо. Денис первым схватил поварешку и начал вылавливать из супа кусочки повкуснее, Вероника вскочила с протестующим воплем и попыталась отобрать у него поварешку, обозвав братца нахальной мартышкой. Появился Павел и, видимо, желая урезонить их, отпустил едкое замечание, кстати, вполне справедливое, по поводу их изысканных манер. Но вышло только хуже.

– Ах так, – завопила Вероника, хватая супницу, – может, ты половником поработаешь? – И она ткнула ему в живот горячей супницей. Он заорал и отпрыгнул.

Супница выскользнула из Никиных рук, все ее содержимое выплеснулось на скатерть и плавной струйкой потекло на землю. Трапезничали мы на свежем воздухе.

Тут же откуда-то нарисовался тощий рыжий кот с рваным ухом и бандитскими замашками. Он принялся жадно лакать и лопать все то, что недавно было нашим обедом. Сожрав примерно четыре порции за рекордно короткое время, он сыто заурчал и побрел прочь, шатаясь и икая.

– Во дает! – искренне восхитился мой муж, глядя на заваливавшегося набок четырехлапного обжору.

Кот свалился посреди дороги, судорожно вытянул лапы, прохрипел и замер.

– Он что, того? – робко поинтересовался Денис.

– Да ладно, – не поверила Вероника. – От обжорства не умирают. Он же не морская свинка. Больше, чем может, не съест.

– Да нет. Не от обжорства, а скорее от супа, – нахмурившись, поковырял веточкой почти впитавшийся в землю бульон Денис.

– Ты что, думаешь, несвежий? – включился в дискуссию Василий.

– Свежий, – сказал Павел. – Его только что сварили, я сам видел.

– Что ты видел? Как его в супницу налили? – злобно поинтересовалась моя дочурка.

– А знаете, я видела по телику: где-то в Австралии или в Южной Америке есть такие медузы, они очень маленькие, хоть через марлю их фильтруй, и жутко ядовитые. Почти верная смерть. Вдруг такая в суп попала? – сострил Ползунов.

– А может, они и тут водятся?

Есть нам больше не хотелось. Рыжий бедолага лежал на солнцепеке, вызывая жгучую жалость.

Из ресторана вышла хозяйка с блюдом ароматного мяса, но один его вид тотчас вызвал у нас приступ дурноты.

Показав ей несчастного кота и оплатив заказанные блюда, мы удалились, оставив женщину лить слезы о репутации заведения и выяснять отношения с шеф-поваром.

– Все, больше я в дешевых забегаловках не ем, – поднимаясь на борт, сообщил наш избалованный миллионер. – Того и гляди отравят!

Отобедав в салоне яхты, мы приступили к обсуждению дальнейшего маршрута с учетом пищевых запросов господина Ползунова.

Посоветовавшись, мы решили сделать большую остановку в Барселоне, может быть, даже взять напрокат машину и совершить путешествие в глубь страны. Но сначала мы должны были отметить день рождения Дениса. Он приходился на десятое июля. Решено было отпраздновать его на Балеарских островах. Команда занялась подготовкой праздника, попросив нас не вмешиваться, капитан пообещал устроить сюрприз для всех. Пока мы наслаждались солнечными ваннами на палубе, Василий пытался выловить что-нибудь экзотическое из моря, а повар колдовал на камбузе, запретив нам приближаться к пищеблоку на пушечный выстрел. Экипаж целый день ходил с загадочными лицами, а Денис ныл, бродя за мной по пятам:

– А что вы мне подарите? Ну скажи, ну все равно, день рождения у меня уже почти сегодня, ты же сама говорила, что я ночью родился!

Это была правда. Денис родился в три часа ночи. И, судя по всему, праздник планировался именно на это время суток. Весь день мы промаялись в ожидании чуда. Ели без аппетита, предполагая всласть полакомиться вечером разнообразными деликатесами. Искупаться нам тоже толком не дали, капитан сказал, если мы задержимся, опоздаем к месту проведения праздника. После ужина нам вручили приглашительные билеты на вечеринку по случаю дня рождения Дениса, которая начнется в два часа тридцать минут на месте швартовки яхты. Форма одежды – свободная. Кое-как скоротав вечер у телевизора, в два часа ночи мы разошлись по каютам и занялись марафетом. Хотя форма одежды предполагалась свободной, но выглядеть всем хотелось нарядно.

Сюрприз удался! Капитан встал на якорь у необитаемого берега, где-то у Балеарских островов. На белом песчаном пляже был накрыт роскошный стол, члены команды, «вооружившись» гитарой и маракасами, исполнили в честь именинника несколько зажигательных мелодий. Освещение обеспечивалось воткнутыми в землю факелами. Еда и вправду была просто изумительна. Фантазия господина Сантини превзошла все наши ожидания. Стол ломился от угощений, причем на нем представлена была не только морская фауна всех видов, но и запеченные перепела. Где он их взял?! И шашлык, настоящий, приготовленный тут же, на костре. Именинный пирог с семнадцатью свечками, мороженое, птифуры, украшенные фруктами, и еще куча всякой всячины. И, конечно же, шампанское!

Мы сидели посреди пустынного пляжа за накрытым крахмальной белой скатертью столом. Вокруг, колеблемые теплым морским ветром, полыхали факелы, над нами на фоне усыпанного яркими звездами неба качались макушки пальм. Играла музыка. Шумело, накатывая на берег, море. На душе было легко, весело, беззаботно. Такая беззаботность обычно свойственна только очень молодым людям, для которых еще нет ничего невозможного, все их мечты и планы должны обязательно осуществиться.

Поднятые с места этим волшебным ощущением легкости, мы вскоре встали из-за стола и закружились в диком зажигательном танце, который, возможно, напоминал со стороны пляску святого Витта. Но нам было все равно. Мы веселились вовсю. Мужики достали откуда-то из корзины петарды, и небо окрасилось праздничным салютом в честь одуревшего от счастья именинника. Члены команды тактично оставили нас предаваться буйному веселью. Усталость мы ощутили, только когда небо утратило свою чернильную синеву. Догорела последняя запущенная в бледнеющее небо ракета. Усталые и счастливые, мы побрели к кромке прибоя, вяло размахивая руками и подавая знаки, чтобы кто-нибудь пришел за нами на шлюпке и доставил на яхту, в наши уютные, мягкие кровати.

– Странно, а где яхта? – спросил Денис каким-то вяло-удивленным голосом.

– Да вон она, – ответил Василий, показывая куда-то в пустоту.

– Где? – не увидела я ничего в голубевшем пространстве перед нами.

– Елки, а где она? – удивился, в свою очередь, муж.

Мы завертели головами в разные стороны.

– Может, она из-за отлива подальше отошла? – предположил Павел.

– Какой отлив? Сейчас, наоборот, прилив, – веско заметил именинник.

– Ну, из-за прилива.

– Да сейчас придет, куда она денется? Позвоните им, и всего делов, – распорядилась

Вероника.

Все молча переглянулись.

– Что, ни у кого мобильника с собой нет? Молодцы! – начал заводиться мой муженек.

– А твой-то где? – внесла я свою лепту в разгорающийся скандал.

– Привыкли все на меня валить! А сами не могли об этом подумать?

– У меня, кажется, есть, – тихо прошелестела Анечка, доставая мобильник.

– Ну, слава богу! Нашелся один нормальный человек, с головой! Давай сюда, – Василий взял у дочери телефон и потыкал пальцем в кнопки, – пять, тринадцать... или семнадцать?

– Что – семнадцать?

– Ну, номер какой? – нетерпеливо переспросил у нас Василий.

– Понятия не имею, – пожала я плечами.

– У меня был в мобильнике записан, – вставила Вероника.

– У меня тоже, – ответил Денис.

Павел только молча кивнул.

– А у тебя что, не записан? – обратился папочка с перекошенным лицом к любимому чаду.

– А мне не было нужно, – испуганно пролепетала Анечка, прячась за спину брата.

– Идиоты! И что же мы теперь будем делать? – злобно сверкая глазками, проревел Вася.

– Ты босс, тебе решать, – лягнула я, не подумав.

Реакция последовала незамедлительно. Нам тут же объяснили, всем вместе взятым и каждому в отдельности, что именно мы собою представляем, с подробным описанием всех наших «достоинств». Далее последовали ответные речи, причем ругались уже все со всеми. Поскольку виновных в этой ситуации найти было все равно невозможно, а ор стоял такой, что уши закладывало, я отошла в сторонку, села на песочек и задумалась.

А яхта-то, кажется, не придет! Почему нас бросили, непонятно. Понятно только, что бросили. Интересно, они давно это решили или спонтанно? А вдруг какое-нибудь судно подало сигнал бедствия и наша яхта оказалась ближайшей к месту катастрофы? Сейчас они быстро туда сплывают, или сходят, как говорят морские волки, помогут пострадавшим и вернуться за нами? Чушь! Нас просто кинули. В прямом и переносном смысле слова. Интересно, где мы хоть находимся-то. Приплыли мы ночью, ничего не было видно... Далеко тут до ближайшего селения?

Солнце уже выплыло из-за горизонта, осветив все сущее теплыми ласковыми лучами. Искрящиеся золотыми вспышками волны уходили вдаль, до самого края лазоревого неба. Вправо и влево простиралась полоса белого песка. Позади шумели верхушки пальм и более мелкой растительности. Ни людей, ни строений, ни судов видно не было.

Приплыли!

Рядом со мной плюхнулась на песок надувшаяся Вероника.

– Ну что, вспомнили номер? – спросила я.

– Нет.

– Что делать решили?

– Ждать, пока они сами явятся за нами.

– Понятно. – Я встала и побрела к покрасневшему от раздражения мужу. – Вась, солнце встает, надо бы какой-то навес сделать, иначе сгорим. Вон, хоть из скатерти.

– Ну, только появитесь, голубчики, я с вас семь шкур спущу! Вы меня надолго запомните! Нашли идиота!

– Вася. Они не явятся.

– Что значит – не явятся?

– Ты что, еще не понял? Они свалили! Так что давай как-то устраиваться здесь. Надо убрать продукты с солнца, сделать навес и отправляться на разведку. Мы даже не знаем, где мы находимся.

Василий смотрел на меня, бессмысленно хлопая глазами.

– Что тебе непонятно?

Доходило до него довольно-таки долго.

– Как – свалили?! – разродился он минут через пять.

– Элементарно. Завели двигатель – и тю-тю.

– А мы?!

– А мы здесь остались.

– И когда нас заберут?

– А это – как богу угодно. Надеюсь, раньше, чем Робинзона Крузо.

– Ты что, озверела?! Нам что, всю жизнь тут сидеть?!

– Не знаю. Может, где-нибудь люди живут? Найдем их и выберемся отсюда. В конце концов, это Средиземное море, а не Атлантический океан.

– Ты это... ты серьезно?!

– А ты думаешь, я шучу?

– Похоже, нет, – наконец-то пришел в себя муж. – Так, ладно... Надо осмотреть все, что мы имеем.

Я двинулась к столу. Накрытый на шесть персон стол выглядел неаппетитно. Недоеденная еда, огрызки и объедки. Грязные тарелки, пустые бутылки. Одной тут не справиться.

– Вероника, Аня! Идите сюда.

Вяло поднявшись, без всякого энтузиазма они поплелись ко мне.

– Девочки, надо сгрести весь мусор в одно место. Лучше всего вырыть небольшую ямку, – осенило меня. – Чтобы он не вонял, когда начнет гнить. И помыть тарелки, а я соберу еду.

– Зачем? – посмотрела на меня Вероника, как на идиотку. – Яхта придет, и эти гады сами все уберут.

– Детка, ты только не пугайся, но яхта не придет.

– Что значит – не придет?

– Ну, как тебе сказать... нас бросили.

– Что, совсем?!

– Думаю, да.

– Мам! Мы все тут умрем?! – завизжала моя дочь.

– Нет, конечно. Что за глупости? Сейчас мы здесь обустроимся, и мужчины отправятся обследовать остров.

– А нас найдут? – робко спросила Аня.

– Ну конечно! Нас будут искать. Твоя мама, мои родители, наши соседи – куча народу знает, что мы поплыли на яхте. Если мы задержимся с возвращением, они станут волноваться и начнут нас искать, – понесла я всякую чушь.

Шансов, что нас будут искать, имелось немного. Если нас и хватятся, то очень не скоро. И потом, куда могут обратиться мои родители – в милицию, что ли? Вся надежда на Наташку и Анину маму. Кстати!

– Ань, где твой телефон?

– У папы.

– Вася!

– Тетя Юля, пока мы пытались позвонить на яхту, аккумулятор сел.

– Идиоты! – в сердцах выпалила я.

Анечка сразу сжалась.

– Да нет, детка, это я не о тебе... – вздохнула я.

Поняв, что ругать ее не будут, девушка принялась вяло сгребать в тарелку остатки пиршества. Вероника собирала в корзину фрукты, я – оставшийся нетронутым шашлык, двух перепелов и копчености. Остатки рыбы, суфле, салат и торт лучше доесть прямо сейчас. Из напитков оставалось две бутылки белого вина, пятилитровая канистра воды, полкувшина сока, недопитая бутылка шампанского – и все. Воду надо экономить.

– Друзья мои, – обратилась я ко всем, – есть предложение – позавтракать, а потом мужчины разделятся и обследуют остров. Василий пойдет по берегу в одну сторону, а ребята – в другую. Только далеко не забредайте, чтобы мы не волновались.

Трапеза наша была печальной. Каждый выбрал тарелку почище, положил себе еды и отошел подальше от остальных. Странная реакция: вместо того чтобы сбиться в кучу перед лицом невзгод, сплотить, так сказать, ряды, каждый предпочел страдать в одиночку.

Иногда в детстве я представляла, как меня вместе с кем-нибудь – или совсем одну – выбрасывает на необитаемый остров, такой, как этот: с пальмами, расположенный посреди теплого моря. Как я мужественно борюсь за выживание и в конце концов обустроиваюсь так чудесно, что мне даже уезжать отсюда не хочется. В более зрелом возрасте я тоже мечтала очутиться на необитаемом острове, но уже по другим причинам. Когда собственное семейство доведет вас до отчаяния, и необитаемый остров покажется раем! Но всерьез я такого поворота событий не ожидала.

Надо вспомнить, что я делала, когда попадала в такую ситуацию в мечтах. Во-первых, найти воду. Она всегда оказывалась где-то в глубине острова. Во-вторых, построить жилище. В-третьих, научиться добывать пищу. Вроде все.

Я окинула взглядом свою команду. Для мужчин занятие я уже придумала. Пока их не будет, мы займемся сооружением шалаша. Хвала Всевышнему, у нас есть пара приличных ножей для разделки мяса. Можно настрогать веток.

– Ну что, наелись? Пора за дело.

Молчаливые взгляды исподлобья были мне ответом.

– Я что-то не пойму, вы выбиратьеся отсюда собираетесь? Тогда вставайте и отправляйтесь на поиски людей. Марш! Марш! Только головы от солнца прикройте.

Недовольно кряхтя, представители сильной половины рода человеческого подняли с песка задницы, прикрыли головы столовыми салфетками и отправились на поиски любых признаков цивилизации.

– Только не потеряйтесь! – крикнула я им вслед. Не хватало еще их искать потом.

Девчонки уныло сидели на песке и никакой жадности деятельности не демонстрировали.

– Ну, красавицы, за дело! – Ноль реакции. – Девчонки, давайте уберем продукты с солнца, быстренько, и попробуем построить шалаш!

– Зачем? Сейчас мужики вернутся и кого-нибудь за нами приведут.

– Не будем же мы целый день на солнце сидеть, мы же сгорим.

– Ладно, сейчас натянем скатерть на шесты от факелов и уляжемся под ней, как под тентом. Анька, вставай, поможешь мне!

Обе девицы без всякого энтузиазма выдернули из песка все шесть факелов – они были примерно мне по грудь высотой – и воткнули их подальше от прибой, поближе к пальмам.

– Мам, скатерть дай.

Я аккуратно сняла со стола скатерть, и они кое-как привязали ее к четырем факелам за уголки.

– Нож дай, – скомандовала моя дочь. Получив требуемое, она проткнула ножом дырки в ткани, продела туда салфетки, к счастью, они были не бумажными, а льняными, и привязала скатерть к последним двум факелам. После чего девчонки заползли под навес и больше ничего делать, похоже, не собирались.

Ладно. Ну вас! Я вырыла ложкой две ямы в песке. Одну для мусора – сложила туда объедки и закопала, чтобы не воняли, другую, побольше, в тени пальм – для хранения оставшихся продуктов. Песок на дне ямы был влажным и прохладным. Авось не испортятся. Не холодильник, конечно, но выбрать-то нам не из чего. Посмотрев на уныло лежавших под прикрытием скатерти девчонок, я решила их пока что не трогать. А вдруг нас и вправду еще сегодня спасут, а я просто сею панику? Присев в тени зарослей на песочек, я попыталась расслабиться. В конце концов, отчего я психую? Мы сидим, можно сказать, посреди Европы! До Испании рукой подать, в море кишат различные суда, мы к вечеру уже будем вспоминать это приключение и смеяться. А яхту Василий как-нибудь найдет. В крайнем случае, получит страховку. Я окончательно расслабилась.

До чего удивительна жизнь! Сколько раз мечтать о необитаемом острове, думая, что никогда не попадешь в такое место, и вот тебе, пожалуйста! Я воодушевленно огляделась по сторонам. Истинный тропический рай! Сверкающее россыпью драгоценностей на солнце море слепило глаза, жаль, что я не взяла очки от солнца, но с другой стороны, зачем они мне были нужны ночью? По переливавшейся на солнце морской глади уходили за горизонт бирюзово-изумрудные волны, белый мелкий песок обжигал босые пятки, а за спиной колыхалась под дуновениями ласкового зефира тропическая зелень, увенчанная верхушками пальм. Наполнившись до краев души этой красотой и восторгом от непредсказуемости бытия, я вскочила и с радостным воплем понеслась к морю. Плескаясь в ласковых соленых волнах, ныряя и бултыхаясь, как ребенок, я окончательно рассталась со всеми тревогами и вышла на берег, сияя улыбками, полная надежд и оптимизма. Девчонки моей радости отнюдь не разделяли. Они по-прежнему кисли под скатертью.

– Эй, вы, сонные тетери! Поднимайтесь! Пошли на разведку! Посмотрим, что там, в зарослях.

– Я брата подожду, – промямлила Аня.

– Я тоже, – пробубнила Вероника.

– Ну и ладно. Пойду одна.

Я обула шлепанцы, намотала на голову свою майку и пошла в глубь острова. Кроме пальм, здесь рос еще какой-то кустарник трех или четырех видов. Самые высокие растения чем-то напоминали нашу иву. Главное, чтобы здесь не было ядовитых насекомых. А если здесь есть змеи? Со стыдом признаюсь, что я полный профан в географии. Я абсолютно не представляю, в каком климатическом поясе мы находимся, что здесь растет и водится. Про тропическую зелень – это я так просто подумала, потому что южные острова у меня всегда ассоциировались с тропиками. Сделав еще пару несмелых шагов, я совсем оробела и решила вернуться на берег. Ну их, эти заросли! Вот найдем местных жителей и спросим у них, можно ли здесь гулять или лучше не стоит.

Глава 5

Остаток дня мы провели, слоняясь по берегу. За весь день тоскливого вглядывания в морские просторы мы только однажды увидели у самого горизонта какой-то корабль. О том, чтобы подать ему какой-то сигнал, и речи не было. Василий с ребятами куда-то запропастились.

– Может, они про нас забыли? Нашли какую-нибудь деревню, наелись там, напились и спать завалились.

– Не говори ерунды. Во-первых, они пошли в разные стороны, а во-вторых, они нас не бросят. В крайнем случае, прислали бы кого-нибудь, – зло огрызнулась я.

Меня тоже не на шутку волновало их долгое отсутствие. Мужчин не было уже часов шесть. Хорошо, что я сообразила выдать им по бутылке воды и по банану с яблоком. Только бы с ними ничего не случилось!

Следующий час я провела, бегая взад-вперед по берегу. Ну куда они провалились?! Ну зачем я их отправила одних?! Надо было самой с ними идти! Надо было тащиться всем вместе, тогда бы никто не потерялся. Вероника тоже поддалась моей панике и последние полчаса металась вместе со мной по кромке прибоя. Хотя ее больше тянуло влево, именно туда отправились Павел с Денисом. Надеюсь, судьба брата ее тоже волнует. Аня по-прежнему сидела, как вареная, и тяжело вздыхала, глядя на песок перед собой. Подобное аморфное бездействие было абсолютно чуждо нашему семейству, а поскольку нервы мои были натянуты до предела, вид этого апатичного создания уже здорово действовал на мою психику.

Вероника, судя по всему, полностью разделяла мои мысли, потому что, в очередной раз пробегая мимо Ани по берегу, она резко выпалила:

– Ну что расселась, как колода? Тебе что, совсем на них наплевать? Люди тут с ума сходят, а эта растеклась, как жаба по песку!

– Нет. Я очень за них волнуюсь, – тихо, ноющим голосом ответила девочка и, сверкнув глазами из-под густых ресниц, добавила таким же тихим голосом: – Не все же, переживая, мечутся взад-вперед, как безголовые курицы!

Однако! А наша мямля, оказывается, зубастая штучка!

Вероника, не ожидавшая такого отпора, лишилась на пару минут дара речи.

– Ах ты, тыква вареная! А сама такой овцой прикидывалась! – Действительно, кто бы мог подумать! – Ах, Павлик, меня обижают! Бедная Анечка, она такая беспомощная, беззащитная, не трогайте малышку! А эта малышка – лживая, двуличная эгоистка, которая думает только о себе! – закончила свою пламенную речь Вероника.

– А ты расскажи об этом моему брату, – ласково посоветовала ей Анечка, мило хлопая глазками и нахально улыбаясь.

Дальнейшее произошло в считанные секунды, я даже с места сдвинуться не успела.

Вероника, кипя праведным гневом, налетела на Аню, та, пискнув, рухнула на песок под тяжестью навалившегося на нее тела. Вероника пыталась вlepить обидчице пощечину, но та ловко уворачивалась, тогда она вцепилась несчастной в волосы. Девушки в обнимку покатались по песку, изрыгая взаимные угрозы и шипя, как змеи.

Подумав немного, я набрала в вазу из-под фруктов воды и вылила ее на этот серпентарий. Они тут же вскочили, дико озираясь по сторонам и отряхиваясь.

– Мам, ты что, с ума сошла?! – все еще тяжело дыша, спросила дочь.

– По-моему, вам обоим пора охладиться, – и я указала на море.

Обе драчуньи оглядели себя повнимательнее – все в песке с головы до ног, а уж о прическах лучше вообще не говорить.

Демонстративно отвернувшись друг от друга, они вошли в воду. Да, хорошо, хоть остальные всего этого не видели! Особенно Павел. Он бы за свою тихоню нас всех в клочки порвал.

Вообще, если честно, детки Василия мне нравились все меньше. Павел всегда был для меня тайной за семью печатями, я никогда не могла понять, о чем он думает. Все, кроме его гипертрофированной любви к сестре, было покрыто мраком. Но Анечка за последние пять минут открылась мне и вовсе с неожиданной стороны. Правду говорят, что истинная человеческая натура по-настоящему проявляется в критических ситуациях.

Думаю, сейчас, немного поостыв, она уже жалеет о своей недавней вспышке, но сделанного не вернешь.

Где же все-таки наш разведотряд? Когда я уже была полна решимости отправиться на их поиски, не могла только определиться, куда бежать, они наконец-то явились. Все вместе, гурьбой, они вылезли из зарослей.

– Уф! Умираю, жрать хочу, – были первые слова повалившегося под навес Василия.

– Я тоже, – рухнул рядом с ним Денис.

– Анечка, принеси, пожалуйста, водички, – попросил упавший рядом с ними Павел.

Когда все трое были напоены, накормлены и обрели способность вдумчиво изъясняться, мы услышали историю их странствий.

– Обошли весь остров и встретились на другом конце. Ни людей, ни селений! Мертвая зона! Обратно мы пошли напрямик, через остров. Нашли маленький родничок, он километрах в полтора отсюда. Так что от жажды не помрем. Разве что от голода. Сколько еще еды осталось?

– Негусто, – скорбно ответила я. – Семь бананов. Шесть яблок. Ветка винограда. Четыре персика, три апельсина, штук пять абрикосов. Кусок сыра, не знаю, сколько он продержится. Шесть булочек. Конфеты, сахар, соль, а вот торт уже испортился. Мясо, соответственно, тоже. Это все.

– Дня два продержимся. Кажется, на пальмах в глубине острова растут кокосы. Фиг их знает, никогда не интересовался ботаникой. Живности никакой нам не попало. Змей, к счастью, тоже. Думаю, придется ловить рыбу. Вопрос только – как?

– Острогой.

– Чем?

– Ну, палка такая, раздвоенная на конце, кажется, острога называется.

– Ну ты, мать, даешь! Откуда такие познания?

– Всю жизнь мечтала на необитаемый остров попасть, – мрачно отозвалась я.

– Так, может, это все шутка? – оживилась Анечка. – Вы специально это подстроили? Чтобы в Робинзонов поиграть?

– Нет, детка, такие шутки не в моем стиле.

Прочие члены компании молча сидели на песке, с ненавистью глядя на безбрежные морские просторы.

– Надо бы все же шалаш построить от солнца, все мы под скатертью с трудом помещаемся.

Сама идея обустройства на острове звучала как приговор. Пока мы сидели на песке и доедали остатки провизии, оставалась хоть какая-то иллюзия, что за нами придут через пару часов и, самое позднее, к вечеру мы уже будем на родной яхте, в своих каютах, принимать душ... Процесс строительства укрытия знаменовал собою начало новой, страшной полосы в нашей жизни, которая неизвестно еще, когда закончится. Сколько мы тут просидим, пока хоть одна живая душа спохватится и сообразит начать поиски? Месяц? Год? Дай бог, какой-нибудь корабль поплывет мимо и заберет нас! А если нет? Дальнейшие размышления на эту тему были чреватые отчаянными слезами, поэтому я жестко велела себе «прекратить нюнить» и заняться делом.

– Друзья мои, у нас есть два довольно острых ножа, предлагаю мужчинам пойти в заросли и попробовать срубить жерди для каркаса шалаша. А мы с девчонками наломаем веток для крыши.

Василий взял ножи и попытался изобразить беззаботное веселье:

– Ну что, орлы, за дело?

Орлы с кислыми, унылыми лицами потащились за ним.

Весь вечер мы боролись с растительностью. То ли ножи были туповаты, то ли стволы очень крепкие, но за три часа каторжного труда наши мужчины обработали только две жерди. Мы же, орудуя обычными столовыми приборами, наломали штук пятьдесят довольно густых веток. Лучше всего для наших целей подходили ветки пальм, но маленьких пальмочек на острове было немного, а до больших нам было не дотянуться. Ободрав все доступные нам пальмы, мы взялись за менее подходящие растения.

Когда солнце уже клонилось к закату, мы опять сидели на песке, измотанные, чумазые, голодные.

– Я ноготь сломала, – удрученно поделилась со мною Вероника.

– Ноготь! Тоже мне, несчастье! Я вон как руку ободрал, но не ною, – гордо заявил Денис.

– Где? Покажи сейчас же, – заволновалась я.

– Да не бойся, я уже коньяком ее обработал. Не спирт, конечно, но все равно прижгло.

– Умница! Давайте договоримся: алкоголь используем только в медицинских целях, – постановила я.

– О'кей, – подтвердил Василий.

– Ну что, граждане Робинзоны, давайте костер разводить и размещаться под скатертью.

– Зачем костер, ты что, замерзнуть боишься? – с издевательским смешком поинтересовалась совершенно обнаглевшая Аня.

– Нет, – в тон ей ответила я. – Я боюсь, что если ночью мимо нас проплывет какое-нибудь судно, нас в темноте случайно не заметят.

Аня заткнулась. Павел, вероятно, чтобы сгладить бестактность сестры, занялся костром.

Василий, оглядев наше хозяйство, недоуменно спросил:

– А зачем нам тесниться под скатертью, вон сколько веток, сейчас мы построим классный навес.

– Да как ты его построишь? – раздраженно спросила я, глядя на скромные результаты их заготовительной деятельности.

– Как, как? Учись, студент! А ну-ка, парни, взяли колья, построим шалаш, как у дедушки Ленина! Видали?

– Нет.

– Ну и фиг с ним. Берите палки, я буду руководить.

Дальнейшее напомнило мне басню «Мартышка и очки». Они ставили колья и так и сяк; несмотря на минимум подручных средств, эти олухи минут сорок провозились впустую, пока озверевший вконец «руководитель» не нашел единственно правильное решение. Утерев пот и прочистив охрипшее от воплей горло, он накинулся на меня:

– Ну, довольна? Ничего умнее не могла придумать, чем строить шалаш из двух палок? Идиотка! Одно слово – баба! Сами ничего сделать не могут, только людей гонять! Ну, что ты пялишься? Давай, покажи нам, как это делается, раз ты такая умная!

Я молча подождала, пока он выкричится и остановится перевести дух, и тогда спокойно сообщила:

– Во-первых, я не просила строить его из двух палок, это твоя идея, во-вторых, его надо строить из восьми, а лучше – из двенадцати кольев, в крайнем случае, можно построить навес под пятью опорами.

– Да сама бы попробовала хоть один ствол срубить, а то расселась, как барыня!

– Хватит орать на маму! – вступилась за меня Вероника. – Мы, между прочим, вон сколько веток наломали! Пока вы там втроем вокруг одной палки прыгали!

– Мы прыгали? Да ты попробуй сама, раз такая умная! – встрял Денис.

– Да я-то попробую! И можешь не сомневаться, вас на помощь не позову! – Вероника схватила нож и рванула в заросли.

– Ну и вали, а мы тут подождем, посмеемся, – зло крикнул ей вслед Денис.

– А ты что сидишь? – с наигранным недоумением поинтересовался Василий. – Это же твоя затея, так покажи нам, дурням, как мастера работают. А то просто так сидеть на пляже все могут!

Тут уже и я озверела.

– Ну ладно! Ты сам напросился! С этой минуты мы сами по себе, вы сами по себе! Посмотрим, кто дольше протянет! Аня, ты с нами? – спросила я ее на всякий случай из женской солидарности.

– Нет, спасибо, я тут побуду.

Ну еще бы! Фря вареная. Я схватила нож и полезла в заросли за Вероникой. Вслед мне понеслись издевки и смешки. Причем к компании этих критиков присоединились и братец с сестрой, наверное, думали, что я их не слышу.

Уговаривая себя не возвращаться назад, чтобы перерезать им глотки, а направить энергию на мирные цели, я накинулась на первый же попавшийся мне на дороге ствол. Он оказался подходящей толщины, к тому же дерево уже почти засохло. Дрова я никогда не рубила и топором орудовать не умею. Но в данном случае я показала себя заправским лесорубом! Пара сильных ударов, в которые я вложила всю бурлившую во мне злобу, – и вот уже ствол наполовину подрублен, затем я уперлась в него обеими руками, и через минуту он лежал на земле. Я отпилила лохмотья коры, которыми он еще держался за пень, и осмотрелась. Рядом орудовала Вероника. Судя по энергии, с которой она накинулась на дерево, ее тоже порядком все достали. Вероника поднажала, и ее дерево тоже упало на землю. Неплохо! Два дерева за пять минут! А эти бездари, тупицы, олухи безрукие, три часа возились! Вдохновленные успехом, мы принялись за следующие деревца.

– Я им сказала, – отдуваясь, сообщила я дочери, – что отныне мы сами по себе, они сами по себе. Пусть устраиваются, как хотят! Когда я уходила, они сидели и ржали над нами, все вместе!

– И Павел?

– И Павел! Они с сестрицей – громче всех!

– Ну ладно! Они еще пожалеют! Сами приползут, когда кушать захочется! – мстительно мечтала Вероника.

– Кстати, завтра еда закончится.

– Вот тут-то и начнется самое интересное, – зловеще прошипела дочурка.

Глава 6

Когда через пятнадцать минут мы вернулись на берег, таща за собой пять срубленных деревьев, никто уже не смеялся.

Не глядя на этих париев, мы с Вероникой принялись молча отрубать от деревьев лишние ветки. Пока мы возились в лесу, если можно так назвать островные заросли, уже совсем стемнело, и костер был очень кстати. Когда два первых дерева были приведены в нужное для строительства состояние, к нам робко подошел Денис.

– Вам помочь?

– Убирайся, предатель! – прошипела я.

– Мам, прости, я был не прав. Вы самые умные, самые лучшие, и я без вас пропаду, – скорбным голосом проскулил хитрый ребенок. – Вероник! Ну, прости, я не специально, ты же знаешь, как я тебя ценю.

Ну, это уж чересчур! Вероника бросила жердь и уставилась на брата.

– Хорошо, хорошо. Просто прости. Искуплю, отслужу, исправлюсь! – выпалил он.

– Ладно, бери нож и приступай. У меня уже спина отваливается.

Поручив перебежчику очистить от веток оставшиеся стволы, мы вытянулись на песке, аппетитно хрумя яблоками. Еду мы предварительно поделили, положив наши продукты поближе к строившемуся навесу.

Доев яблоко, я забросила огрызок подальше в заросли и легла на песок, положив руки под голову.

Небо было таким черным, а мириады звезд, рассыпанных над моей головой, звали мою душу оставить брэнное тело и отправиться в полет по бескрайним просторам Вселенной. Они призывно подмигивали мне то зелеными, то желтыми, то красными огоньками, вот они начали завиваться в сверкающий хоровод, и я вплелась в него такой же яркой сверкающей вспышкой, как и соседние маленькие звездочки.

Проснувшись я от чувства дискомфорта. Все тело ломало. Что же это со мной? Я что, заболела? Разлепив наконец глаза, я совсем запуталась. Надо мной было что-то белое и очень низкое. Я что, в гробу?! Но почему в белом? И почему у меня все болит? Покрывшись испариной, я медленно повернула голову влево, и вздох облегчения вырвался из моей груди.

Это надо же, такую дурь придумать! В гробу! Я тихонько, чтобы никого не потревожить, выбралась из-под скатерти. Василий пробубнил что-то во сне и снова затих. Денис с Вероникой спали рядышком, оба – на правом боку, вытянувшись в струнку. Ани и Павла нигде не было.

Потянувшись и размяв затекшие члены, я побрела по берегу. Обтесанные стволы валялись рядом с грудой увядших веток. Костер давно догорел. Кажется, я заснула вчера рядом с итогом наших лесозаготовок. Солнце еще не встало, небо, молочно-белое, радовало глаз своей философской отрешенностью. Почти как дома в белые ночи. Но буквально на моих глазах по небу пошли нехорошие примеси желтого, розового, фиолетового, как будто на еще невысохший акварельный рисунок нерадивый ученик накапал воду с непромытых кистей, и он утратил свою аристократическую сдержанность и превратился в балаганный занавес, украшенный ярким, аляповатым многоцветьем. Из-за горизонта показалось всепобеждающее в своем блеске светило. Ну вот, еще один наполненный до самых краев солнцем день.

Сегодня у нас закончится еда. Как жаль, что я не читала в детстве Робинзона Крузо, мне эта книга показалась неинтересной. Ни любви, ни интриг. А как бы нам сейчас пригодился опыт доблестного моряка из Йорка! Ну, делать нечего. Придется выкручиваться самим. Сон окончательно покинул меня, отступив под гнетом насущных забот.

Животных на острове нет. Охота отпадает. Птиц я здесь тоже не видела. Змеи и ящерицы, хвала Всевышнему, пока что нам не попадались. Остаются рыбы и крабы. Рыбная ловля – дело нехитрое, думаю, мы справимся.

А здорово было бы наловить рыбы, пока все спят! Представляю себе их лица! Сказано – сделано. Я свернула в кусты. Сейчас сломаю ветку подлиннее и сделаю удочку. Подходящая ветка нашлась без проблем. Очистив ее от листвы, я поняла всю бессмысленность своей затеи. У нас не было ни лески, ни веревки, вообще ничего, к чему можно было бы привязать крючок. Да и крючка у нас не было. Неужели нам придется ловить добычу руками? Какой ужас! Я живо представила, как мы, озверев от голода, мечемся на четвереньках по мелководью, пытаемся ухватить скользкую, изворотливую рыбку, а потом рвем ее зубами, прямо живую. Бр-р! Приглючится же такое.

Присев на поваленный ствол пальмы, я вспомнила о кокосах. И еда, и питье! Вот только как их достать? Когда-то давно я видела по телевизору, как житель одной африканской страны полз, как муха, по абсолютно голому, вертикальному стволу пальмы. У него это получалось легко, играючи, вряд ли кому-то из нас это по силам. Видно, ничего иного нам не остается, кроме как умереть от голода.

Мне тут же страшно захотелось есть. Я подошла к нашему «холодильнику» и взяла уже совершенно коричневый, неаппетитный банан. Ничего, «подбодрила» я себя, скоро и это счастьем покажется.

Солнце уже палило вовсю. Спящее семейство подтянуло пятки под скатерть и продолжило дрыхнуть. Делать было абсолютно нечего. Может, хоть шалаш построить, будет где от солнца прятаться? Я выбросила шкурку от банана и взялась за дело.

Прикинув длину и ширину своего будущего строения, я воткнула в землю четыре шеста, положила на них оставшиеся три и привязала их для прочности разорванными салфетками к рогадинам на концах своих опор. Не хватало еще трех кольев. Взяв нож, я отправилась на их добычу. Сегодня это дело уже не показалось мне таким уж легким, тем более что после вчерашнего нещадно болели спина и руки. Да еще, как выяснилось, я заработала себе мозоли. Но, берясь за дело, я не привыкла сдаваться. Обмотав ладони салфетками – да здравствует сервировка! – я кое-как справилась с поставленной задачей. Ободрав ветки с наиболее ровного и внушительного ствола, я замкнула им периметр постройки. Два других ствола я прямо с ветками положила поперек, они будут основой для крыши. Постройка получилась довольно высокой, и, чтобы закрыть крышу ветками, мне пришлось вдоволь напрыгаться. В конце концов мое трудолюбие и настырность были вознаграждены. С чувством глубокого удовлетворения я осмотрела дело рук своих. Конечно, это не Нотр-Дам де Пари, не храм Артемиды Эфесской и не Кизи, но гордилась я своим детищем не меньше, чем великие творцы прошлого своими достижениями.

Когда семейство проснулось, я сидела под навесом по-турецки и любовалась сверкающим на солнце морем.

– Вау! – емко выразила свои чувства Вероника.

– Ну, мать, ты даешь! – сделал мне комплимент сынуля.

– Не зря я все-таки на тебе женился, – высказался супруг, – никогда не знаешь, чего от тебя ждать. Не жизнь, а праздник с сюрпризами! – Он сгреб меня в охапку и одарил звонким поцелуем. Издевается, что ли?

– А где Пашка с Анькой? – поинтересовался, оглядываясь, Денис.

– Не знаю. Я встала, а их уже не было.

– Да ладно. Погуляют и придут. Может, они в туалет пошли?

– Вдвоем? – ехидно поинтересовалась дочурка.

– А кто их знает!

– Это точно, – согласился Денис. – А что у нас на завтрак?

– Апельсиновый сок, французский омлет, свежие круассаны, кофе, джем, сыры разных сортов. Устроит?

– А если серьезно?

– Пара засохших булок, коричневые бананы, три апельсина, кусочек заплесневелого сыра и, кажется, все. Советую серьезно подумать об обеде.

– А что о нем думать?

– Полагаю, теперь нам придется все время думать о еде, – заключила я.

– Ну вот, не могла подождать, пока мы поедем, и испортить настроение уже после завтрака, – протянула Вероника.

– Извини, детка, я так давно не сплю и размышляю в одиночестве, что мне было просто невтерпеж поделиться, – с сожалением сказала я.

Завтрак прошел в тихой, подавленной атмосфере.

Дожевав свою порцию, Василий обратился к Денису:

– Ну что, брат, пора за добычей?

– Женщины и дети охраняют пещеру, а настоящие мужчины отправляются за мясом, – выпятив грудь вперед и поигрывая мышцами, заявил сын.

– А что вы собираетесь делать?

– Не беспокойся, женщина, сиди и жди, – вошел в роль пещерного человека бывший бизнесмен Ползунов.

– Что будем делать мы? – поинтересовалась Вероничка.

– Пошли к роднику, умоемся. Может, принести сюда воды для питья?

– Давай, а то уже надоело мне тут сидеть. А куда все же Павел с этой дурой пропали на пару?

– Не знаю. Да какая разница, может, мы им опротивели и они решили от нас отдохнуть, а может, нашли что-нибудь интересное. В любом случае с острова им никуда не деться.

Когда через полчаса мы вернулись на берег, наши добытчики уже орали друг на друга, стоя на мелководье.

– А что ты на меня все валишь, иди и сам лови, раз такой умный!

– Да ты хоть что-то делать умеешь? Или мамочка тебе все на ложечке в рот клала?

– Да ты на себя посмотри! Тоже мне, Меткий Глаз нашелся, даже краба не поймал, который под носом у тебя ползал! Ты же у нас «Мистер многоборье», иди, покажи свое мастерство, поныряй за рыбой!

– Да я-то поныряю, вот посмотрим, что ты есть будешь!

– Что здесь происходит? – ледяным голосом, раздельно произнося каждое слово, поинтересовалась я.

– Что происходит? Вырастила кисейную барышню! Даже удочку смастерить не может! Руки как грабли, рыба под ногами плавает, он даже ухватить не в состоянии.

– На себя посмотри! Добытчик! Только и слышишь – Денис то, Денис се!

– Спокойно! Где рыба?

– В море! – дружно окрысились на меня горе-спорщики.

– Удочку пытались сделать?

– Да! – так же дружно проорали они.

– Ясно. В таком случае, берите мясные ножи и отправляйтесь тесать копыя.

– Зачем? – все еще раздраженно спросили Денис и Василий.

– Рыбу ловить. Руками, как я понимаю, вы не умеете.

С озадаченными лицами они взяли ножи и углубились в зеленый массив.

– Ты думаешь, они что-нибудь поймают? – недоверчиво спросила Вероника.

– Вряд ли. Но надо же им дать возможность убедиться в собственной несостоятельности.

– А вдруг поймают?

- Будем слушать рассказы об этом подвиге следующие лет десять.
- Спустя час горе-рыболовы сидели на песке, кляня нас, рыбу и всю Вселенную.
- Все, придется голодать, – резюмировал супруг.
- Тебе это, может, и полезно, а я есть хочу, – заявил Денис.

Вероника молча встала, взяла копьё и пошла в воду. Зайдя в море, так что вода доходила ей чуть выше колена, она замерла. Минут через пять она так резко ударила копьём, что мы даже вскрикнули от неожиданности. Вероника торжествующе подняла копьё над головой: на его острие трепыхалась рыба.

- Подумаешь, малек, – с завистью процедил Василий.
- Ничего себе! – с детской непосредственностью воскликнул Денис, срываясь с места. Разбрызгивая воду, он побежал к сестре, снял с копьё рыбку – она и правда была невелика, – и с криками:
- Смотрите! Рыба! – побежал нам ее показывать.
- Он протянул нам на ладонях трепыхавшуюся пеструю рыбешку.
- Класс! Я пойду еще попробую, вдруг получится! – и он побежал к морю, подхватив копьё.

На этот раз он стал действовать строго по методу Вероники, и через час у нас было уже достаточно рыбы, чтобы накормить всю компанию.

- Знаете, можно обмазать ее глиной и запечь на костре! – потирая руки, предложил муж.
- Вот ты себе и мажь, а мы так съедим, – сердито ответил Денис, памятуя об их недавней ссоре.
- Да ладно, мир. С кем не бывает, – добродушно пробасил Василий, протягивая ему руку.
- Как рыбы наловишь, так все тебе друзья, – пряча улыбку, проговорил Денис, протягивая руку.
- Я думаю, лучше не мудрить. Рыбка маленькая, давайте нанижем ее на прутики и зажарим, как шашлык. У нас даже соли немного осталось.
- И один апельсин, сбрызнем ее соком! – радостно добавила Вероника.
- Апельсина жалко.
- Ничего, гулять так гулять! – решил глава семьи.
- Мы развели костер, смастерили мангал и зажарили наш улов.
- Смотрите, как здорово! – воскликнула Вероника, сервируя наш обед на шикарном фарфоре – посуде с яхты.

У каждого на тарелке лежало по две рыбки – мы их даже не почистили, чтобы они казались побольше, – по дольке апельсина, по четвертинке засохшей булочки – Василий ее буквально разрубил на части. В бокалах плескалась прокипяченная мною на костре вода из источника. Для кипячения я использовала ведро из-под шампанского.

Мы уселись в кружок под навесом и приготовились закусить.

- А чья это порция? – беззаботно поинтересовался Василий, показывая на стоявшую рядом с ним бесхозную тарелку.
- Павла, а там – Ани, – объяснила я, показывая на другую тарелку.
- А где они? Их что, до сих пор нет? – с нарастающей тревогой в голосе спросил он. Действительно, увлекшись добыванием пищи, мы ни разу не вспомнили о них. А ведь уже часов пять, как их нет, если не больше! Куда они подевались?
- Может, они решили еще раз обыскать остров? – нерешительно предположила я.
- Да что вы заморачиваетесь, сейчас явятся. Погуляют, доведут всех до инфаркта и припрутся, – с нарочитым пофигизмом отреагировала Вероника. За последние сутки ее отношение к Павлу резко изменилось, а Аню она и раньше терпеть не могла.
- А может, все-таки пойти их поискать? – нерешительно спросил заботливый отец.

– Думаю, сначала надо поесть, мы столько времени ловили эту проклятую рыбу, надо хотя бы ее попробовать.

– Хорошо, сейчас поем и пойду, – решил Ползунов.

Рыба оказалась жутко костлявая, но вполне съедобная. Насытиться двумя рыбами никому не удалось, поэтому, доев свои порции, дети снова отправились на рыбалку. Впереди уже маячил ужин. А Василий, сам не свой от волнения, отправился на поиски своих заблудших чад. Лично я думала, что они просто мотают нам нервы, как и сказала Вероника. Правда, непонятно, чем они питаются? Ну да, небось, они уж позаботились о себе, любимых.

Решив раньше времени не заморачиваться, я отправилась собирать хворост. Костер должен гореть как следует, и поддерживать его надо всю ночь. Вдруг кто-нибудь заметит огонь, не век же нам здесь куковать!

Прошло уже три часа, как Василий ушел на поиски. Ни его, ни гадких детей. Я начала волноваться. Солнце шпарило всюду, море слепило глаза. Сбившись в кучу под навесом, мы с ребятами молчали, думая каждый о своем. Судя по их лицам, радости в этих размышлениях было мало. У меня из головы не шли всякие ужасы. А что, если с пропавшими беда стряслась? Укусила змея, пошли купаться и утонули, на них напала акула или людоеды, они укололись о ядовитую колючку, упали, свернули шею, а Василий нашел их и обезумел от горя или не может дотащить их обоих сразу до лагеря?

– Ребята, я пошла навстречу Васе, зажгите костер, отсюда – ни с места!

– Сиди уж лучше здесь, а иначе вы разминетесь, придется и тебя потом искать, – посоветовала мне Вероника.

– Давай я с тобой пойду, а то еще заблудишься, – предложил Денис.

– Нет! Больше никто никуда не пойдет! Василий, пока не обойдет весь остров, не успокоится. Так что мы не разминемся.

– Если только он уже не нашел их и не тащит обратно, – выразительно посмотрела на меня дочь.

– А вдруг ему помощь нужна?

– А вдруг нет?

– А если с ними беда какая-нибудь?

– Со всеми сразу? Вряд ли. Кто-то да уцелеет, а выживший сам пойдет за помощью.

– Вероника! Как ты можешь так говорить?!

– Ну извини. Просто я по этой парочке совсем не соскучилась.

– Мам, она права, вдруг кто-то из них придет, а тебя нет? Придется тебя идти искать.

Подожди.

– Хорошо. Но можно мне хотя бы ближайšie заросли осмотреть?

– Можно, но я с тобой, – решительно поднялся с места Денис.

Надо сказать, что все то время, когда мы не добывали пищу и дрова, мы бессмысленно валялись на песке. Делать было совершенно нечего. Хорошо, что процесс обеспечения всех хлебом насущным отнимал много сил и времени, иначе от безделья можно было бы опуститься до состояния овоща.

Мы с Денисом отправились обследовать территорию. Вероника от скуки разбирала посуду, составляя ее аккуратной стопочкой. Прочесав значительную площадь и нечего не обнаружив, мы вновь вернулись на берег.

– Они не появлялись?

– Нет. Может, и правда пойти их поискать? – озабоченно спросила дочь.

– Встает тот же вопрос: кто идет, а кто остается? – заключил, устало садясь на песок, Денис.

Солнце уже клонилось к западу. Жара начала спадать. Как там бедный Ползунов? Хорошо, он хоть воду не забыл с собой взять.

- Ужинать будем? – вывела меня из задумчивости Вероника.
- Не знаю, мне не хочется.
- Мне тоже, – поддержал Денис.
- Подождем, пока они вернуться.
- Как хотите, – обреченно согласилась дочь.

Сидеть и лежать мочи больше не было, и мы разбрелись по пляжу, залитому мягкими лучами заходящего солнца. Небо, сиявшее в вышине незамутненной облаками лазурью, широко раскинулось над нами, сколько хватал глаз. Пальмы лениво шевелили зелеными лапами, на песок легли длинные серые тени. Маленький оранжевый краб трудолюбиво прокладывал себе путь через песчаные барханы. Переступив через него, я побрела дальше по пляжу. Незаметно для меня мысли мои переключились с тоскливого затянувшегося ожидания на предметы далекие и совершенно в данный момент недостижимые. Вспомнилась наша дача в Сестрорецке, на берегу Финского залива, где мы с родителями отдыхали в детстве. По вечерам мы любили гулять по пляжу. Родители, тихо беседуя, шли по краю воды, а мы с Наташкой носились вокруг них, взбегая на песчаные дюны, играя в прятки между сосен, брызгаясь на мелководье. Я никогда и нигде не была так счастлива, как в те несколько летних месяцев, которые мы проводили там в течение четырех лет. Потом родители отказались от казенной дачи, и эти вечерние прогулки по берегу залива навсегда стали для меня самыми теплыми и счастливыми воспоминаниями детства.

Глава 7

Василий вернулся, когда уже стемнело и пляж был залит серебристым лунным светом. К этому времени мое душевное состояние достигло стадии психоза. Я металась по берегу, то молясь, то представляя себе всякие ужасы. Я клялась господу, что, если с ними все хорошо, я всегда буду искренне любить и Аню, и Павла и никогда не стану спорить с мужем, только бы они наконец вернулись!

Есть или зажечь костер мы тоже были не в состоянии. Денис и Вероника то пытались успокоить меня, то сами впадали в отчаяние, и тогда уже мне приходилось изобретать какие-то утешительные доводы.

Когда некое темное пятно оказалось неясным силуэтом, мы, все как один, кинулись с надеждой и облегчением навстречу ему. Это был Василий. Один.

– Что?!

– Что с ними?!

– Где Анька с Пашкой?

– Что случилось?! Да говори же ты!

– Я их не нашел, – бесцветным голосом сказал Василий и пошел дальше, не останавливаясь, словно был механической куклой, у которой не кончился завод.

– То есть как?! Ты же обошел весь остров! Да почему же ты молчишь?! – Мы втроем семенили за ним по песку, вопросительно заглядывая ему в глаза.

Он остановился, обернулся, и я увидела его совершенно серое от горя и ужаса лицо.

– Их нет, ни их – ни одежды, ни вещей, ничего! Я не знаю, что случилось!

О господи! Я обняла мужа так крепко, как только смогла, прижав к своей груди его голову. Денис и Вероника стояли молча, не зная, что сказать или сделать. Кошмарность произошедшего напознала на нас с неотвратимостью селевого потока. Пока мы металась по пляжу, неопределенность ситуации все же давала нам какую-то надежду, что ничего страшного не случилось, так все это, просто недоразумение... Но теперь нам стало по-настоящему страшно. Что могло с ними случиться на этом пустынном безлюдном острове? Что мы скажем их матери? Как переживет это Василий? Почему мы так долго их не искали? Это бездействие будет мучить нас до конца дней.

Я оторвалась от мужа, обнимая и поддерживая его, и повела к шалашу. Усадив его на песок, я отправила ребят разводить костер, достала заранее зажаренную рыбу, остатки фруктов.

– Надо поесть, – вложила я еду в руки Василия. Он продолжил сидеть все так же безучастно, глядя в темноту невидящими глазами.

Тогда я начала очищать рыбу и маленькими кусочками класть ему в рот. Он жевал, не чувствуя и не понимая, что делает, автоматически. Выпил воды. Он не шевелился и не говорил ни слова, пугая меня этим оцепенением. Ребята сидели в стороне у костра притихшие и подавленные, боясь издать лишний звук, чтобы не нарушить скорбное молчание, нависшее, казалось, над всем островом.

Что-то холодное капнуло мне на грудь. Дождь? – недоуменно подумала я. Нет, оказалось, что я плачу. Слезы катились по моим щекам, а я даже не заметила этого. Надо что-то сделать, чтобы вывести Василия из этого жуткого состояния, пусть он лучше выплчется, выкричится, сломает что-нибудь, лишь бы ожил! Кажется, у нас еще оставался коньяк...

Тяжело встав с места, я пошла за бутылкой, вылила в кружку все, что в ней было, получилось почти до краев, и подала Василию. Поднесла кружку к самым его губам и почти влила напиток ему в рот. Коньяк, видимо, обжег ему внутренности и тем самым привел в чувство.

– Что мне делать?! Что я скажу их матери?! Как мне теперь жить?! – закричал, почти завыл он.

Я сидела рядом и молча гладила его по спине. Чем я могла утешить его? Только винить себя за легкомыслие и равнодушие – вот и все, что мне оставалось. Стала бы я ждать до вечера, если бы так надолго пропали мои дети? Как я могла быть такой эгоисткой? Да, они не любят меня, да и за что, собственно, им любить женщину, занявшую место их матери? Пусть и по прошествии стольких лет после развода, но это – их родители, и они всегда будут желать их примирения. Они даже наверняка ненавидели меня, но я должна была заботиться о них, потому что они – дети, пусть и чужие, но оставленные на мое попечение, я отвечала за них.

– Это я виновата. Надо было сразу идти их искать. Во всем виновата я!

– Ты здесь ни при чем. Это я! Это мои дети, почему же я сидел тут столько времени? Жрал рыбу и ничего не делал! Я даже вспомнил о них не сразу. Как мне теперь жить?

– Пойдите, – крикнула, вскакивая, Вероника. – Ты говорил, что ничего не нашел, ни одежды, ни обуви?

– И что?

– Да то самое! Подумайте хорошенько! Их нигде нет. Куда они могли деться? Улететь? Сбежать? Только утонуть. Но вряд ли они решили утопиться. Что они, Тристан и Изольда, чтобы вместе покончить жизнь самоубийством? Нет! Утонуть они могли только случайно.

Мы с Василием слушали, боясь лишний раз вздохнуть.

– Так вот. Если они пошли купаться, то, уж наверное, разделись бы. У Ани был длинный сарафан, в таком не поплаваешь. Павлу тоже незачем лезть в воду в рубашке и шортах. Они должны были раздеться. И вряд ли спрятали бы вещи в кустах, это на необитаемом-то острове! Но на пляже вещей не оказалось. Вывод: их не было на берегу. Они где-то в чаще! Ведь ты не успел прочесать весь остров?

– Нет.

– Я не знаю, что с ними могло случиться, но хоронить их еще рано.

– Точно! Ну, Вероника! Ну, голова! – Василий вскочил с места, подбежал к Веронике, поднял ее и закружил в приступе восторга.

Я чуть с ума не сошел от горя! – ошалев от вернувшейся надежды, радовался муж. – Все, срочно надо сделать факелы и отправляться на поиски.

Я хотела было ляпнуть, что лучше сначала отдохнуть, но, вспомнив, что я чувствовала еще пять минут назад, прикусила язык.

Василий и Денис сделали из веток и намотанных на них салфеток – слава салфеткам – подобие факелов, смочив их остатками алкоголя.

– Разделимся, – скомандовал взбодрившийся отец. – Мы с Вероникой – направо, вы с Денисом – налево.

– Надо взять с собой на всякий случай воду, – тормознула его я. – Вдруг понадобится?

После минутной задержки мы двинулись в путь.

Мы бродили по острову всю ночь. Сначала осторожно, стараясь не отставать друг от друга ни на шаг, потом, со временем, от однообразия – все смелее. Чувствуя себя в этих тропических джунглях бесконечно одинокими, мы стали разбредаться в разные стороны, то встречаясь, то вновь расходясь. Время шло. Мы обшарили большую часть острова. От усталости и безнадежности наступило какое-то бессмысленное оцепенение.

Всем, кроме Василия, стало ясно, что нам их не найти. Я не знала, что с ними произошло, но на острове их не было. Думать, что же случилось с ребятами, не получалось. Ноги заплетались от бесконечных блужданий, глаза закрывались сами собой.

– Все. Надо возвращаться. Денис, идем обратно.

– А как же Павел, Анька?

– Их нет здесь.

– Ну так пойдём дальше.

– Их нет на острове.

– Почему? Откуда ты знаешь?!

– Денис! Их нет на острове! Я не знаю, что случилось, но на острове их нет! Пойдём обратно на стоянку.

Он все не хотел сдвинуться с места.

– Мам, я не понимаю! Как это – их нет?

– Уплыли, украли их, я не знаю! Я не могу сейчас думать. Просто ничего не соображаю.

Пойдём, – я потянула его за руку.

– А остальные? Василий, Вероника?

– Я не знаю, как сказать ему об этом. Веронику мы позовём, когда встретим.

...Мы вновь сидели на песке. И наступил новый рассвет. Сначала серо-молочный, потом желтая бледная полоса растеклась вдоль горизонта и разлилась по всему небу, принеся с собой все оттенки оранжевого – от бледного, несмелого, до яркого, сочного, который тут же превратился в пламенеющий пурпур, и наконец, как апофеоз этого буйства красок, на небе появилось солнце, озарив подзвездные просторы светом жизни, тепла и радости.

Но мы не видели всего этого великолепия. Понуро опустив головы, усталые и чумадые, мы с ужасом ждали, когда вернется Василий. Искали слова, с которыми обратимся к нему, и понимали, что все они слишком пусты и легковесны.

– Ты думаешь, они утонули? – нарушила молчание Вероника.

– Нет.

– А где же они?

– Я не знаю. Может, ночью они встали зачем-то – не спалось им, не знаю, – и пошли пройтись по берегу. Увидели лодку, побежали, закричали, их увидели... Подобрали ребят и поплыли за помощью. А нас они не разбудили, потому что в лодке больше не было места.

– Или они просто кинули нас, – медленно, как бы осмысливая произносимые ею слова, сказала моя дочь.

– Да нет, что ты!

– Нет? Тебе показалось, что они нас искренне любят? Или они были рады, когда мы получали подарки? Или покупка яхты вызвала у них бурю восторга? А может, они мечтали, чтобы Василий усыновил меня и Дениса? А потом поделил наследство на пять частей?

– Вероника! Какое наследство? Как тебе не стыдно! – Я просто задохнулась от ужаса.

– Мама! Раскрой глаза! Вспомни их обоих. Только без розовых очков. Как они себя вели с момента появления в нашем доме?

И я задумалась. Сначала – свадьба. Сдержанные молодые люди, хорошо воспитанные. Вели себя безупречно корректно. Искренне поздравили отца. Василий даже сказал, что на других его свадьбах они никогда не бывали. Я так растрогалась! С умилением вспоминала наше скромное торжество. Но вот что-то неприятно меня царапнуло... что это было? Взгляд. Мы сидим за столом, кричат «Горько», мы встаем, я оглядываюсь на гостей и встречаюсь взглядом с Павлом... одна секунда, я перевела взгляд на следующего гостя, но потом вновь взглянула на Павла. Нет. Наверное, мне показалось. Не могла такая лютая, неприкрытая ненависть так быстро смениться вежливым спокойствием.

Мы встречаем их в аэропорту. Приветствия, объятия, поцелуи. Садимся в машину, едем домой. Василий рассказывает о ближайших планах на отдых и радостно сообщает: «Мы Веронике купили машину, так что вы будете самостоятельно передвигаться по городу. Клубы, дискотеки. Как, народ, возьмете новых родственников в компанию?» – радостно вопрошает он Дениса с Вероникой, а те рады стараться, полны энтузиазма. Но опять я бросаю взгляд на Павла, и мне кажется, что он готов разорвать на части и новых родственников, и отца. И через секунду все эти эмоции вновь скрываются за маской вежливого спокойствия.

Мне стало не по себе. А сцена на яхте, в день нашего первого визита? А ревнивое отношение к малейшим проявлениям внимания со стороны Василия к любому из нас – ко мне, к Веронике, Денису? Ощущение постоянной, непроходящей обиды на отца. Желание компенсировать его отсутствие для сестры. Эта гипертрофированная опека в сочетании с умелыми манипуляциями с ее стороны. А Аня – та еще штучка! До прибытия на остров она производила впечатление аморфного, безвредного, несколько избалованного существа, но при этом совершенно добродушного, а что оказалось? Она ненавидит нас всех. Во всяком случае, меня и Веронику.

Ужас! А если они и правда нас бросили здесь умирать?! Отец? Ну, судя по всему, к нему они тоже теплых чувств не испытывают. А в версии о дележе наследства явно есть здоровое зерно.

Во-первых, они убирают потенциальных конкурентов, а во-вторых, получают весь капитал, сейчас же, немедленно и полностью.

Однажды мы уже чуть не лишились жизни из-за этого проклятого капитала, и снова здорово? Нет, этого не может быть! В тот раз нас хотел убить совершенно чужой человек. Но чтобы родные дети Ползунова?! Нет. Это абсурд! Мы просто переутомились. Бессонная ночь, недоедание, нервы...

Абсурд... Но куда-то же они делись? Чем больше я отгоняла от себя эти мысли, тем настойчивее они лезли в голову, подкрепляясь все новыми фактами и доводами.

– Ну что, доперло? – бесцеремонно обратилась ко мне Вероника.

– Доперло, – ответил за меня Денис. – Вопрос, как об этом сказать Василию. Он же с ума сойдет, да он просто не поверит.

– Не надо ему говорить, скажем, что они поплыли за помощью или что их подобрала, а за нами вернуться отказались. Надо что-то придумать.

Мы вновь погрузились в молчание.

– А если они все же утонули? – через какое-то время спросил Денис.

И нас в который раз начали мучить прежние сомнения.

Василий появился, когда солнце уже стояло высоко. Вероника и Денис к тому времени уже наловили и пожарили рыбу. Мы кое-как перекусили, и они задремали, сломленные усталостью. Я продолжала сидеть под тентом, время от времени проваливаясь в тяжелую сонную одурь.

Он шел по берегу, еле волоча ноги. Рухнул у костра и замер с пустыми, ничего не видящими глазами. Через минуту Василий сказал бесцветным голосом:

– Их нигде нет.

– Да. Их нет на острове. Но я думаю, их могли подобрать ночью какие-нибудь рыбаки, и они поплыли за помощью. Нам могло просто не оказаться достаточно места.

– Нет. Это было бы слишком хорошо. Но я не верю. Нет, – произнес он после долгой паузы. И зарыдал.

Это было ужасно! Мы многое пережили вместе, но я никогда не видела такого отчаяния, даже когда он сам был в полушаге от смерти. А самое нелепое, я даже не знала, как его утешить, да и чем можно утешить человека, потерявшего за один день обоих детей? Немыслимо даже представить себя в подобной ситуации.

Не знаю, сколько прошло времени. Час? Два?.. Постепенно он затих и забылся тяжелым неглубоким сном. Я сидела рядом и тихонько гладила его широкие расслабленные плечи, боясь оторваться от него хотя бы на миг, боясь, что его снова накроет волна безграничного горя.

Солнце светило так же ярко, как всегда, но день почему-то казался серым, промозглым. Ребята, проснувшись, натянули над нами скатерть, чтобы нас не спалило солнце. Над островом стояла безжизненная тишина, нарушаемая только шелестом пальм и мерным, однообразным рокотом моря. Вдали, по самой кромке горизонта, прошло несколько судов, но так

далеко, что было бессмысленно дергаться, пытаюсь привлечь к себе их внимание. Где-то далеко шла обыденная жизнь. Люди работали, ходили в рестораны, катались на автомобилях, каруселях, сидели в кино. Горевали и радовались, и никому не было дела, что здесь, на острове, сидят четыре покинутых всеми и придавленных горем человека. Мысли мои стали пронзительно-жалостными, слезы, до этого медленно, беззвучно стекавшие по щекам, брызнули из глаз. Стоп! Стоп! Нечего распускаться! Придумала тоже «плач Ярославны»!

Сколько мы сидим на этом проклятом острове? Всего-то четвертый день! А чувство такое, что прошла вечность. И что за невезуха такая? Только жизнь наладилась, и личная и общественная, так нет, нате вам! Не одно, так другое. И что, прикажете теперь сидеть на этом злосчастном острове до самой старости? Ну уж нет! Если корабли не идут к этому острову, значит, мы пойдем к кораблям!

Хватит валять дурака! Пора браться за дело!

Я резко вскочила, задев коленом Василия, тот застонал во сне, но не проснулся.

– Эй, вы! – бодро позвала я детей шепотом.

– Ты нам? – несколько ошарашенные моим припадком, не поняли детки.

– Вам, а кому же еще? Будем строить плот! Сейчас, немедленно!

– Мать, ты, часом, не спятила? – развязно поинтересовался Денис.

– Еще раз позволишь себе такой тон – останешься на острове до конца своих дней, – холодно и жестко заявила я.

– Похоже, она не шутит, – поднимаясь на ноги, шепнула ему сестра.

– Нам надо добраться до морских путей. Вон они, проходят по линии горизонта. Если и дальше сидеть здесь, нас никогда не найдут. Не знаю, как вас, а меня от этого Эдема с пальмами уже тошнит!

– Ну, похоже, мамуля закусил удила, и у нас появился реальный шанс отсюда выбраться! – энергично потирая руки, возвестил Денис.

– О'кей. Что надо делать? – сухо спросила Вероника.

– Думаю, для начала нам понадобятся жерди для плота. Дальше неплохо бы придумать, как мы их свяжем. Ну, вот и все. А теперь – за работу. Ах да! Надо с собой приготовить провизию в дорогу. Хорошо бы достать кокосы, – мечтательно проговорила я.

– А что их доставать, я целую кучу видел в зарослях. Валяются себе, никого не трогают.

– Правда? Что ж ты молчал?

– А кто меня спрашивал? Мы вчера Пашку с Анькой искали, не до того было.

– Значит, вы их соберете.

– А сначала-то что делать? – спросила дочь.

– Сначала жерди.

– Пошли, – потянул ее за руку Денис.

Пока они работали ножами, я лазила по кустам, пытаюсь придумать, чем бы связать плот. Исцарапавшись какими-то колючками и ничего не найдя, я пошла сменить Веронику.

До вечера мы возились с будущим плавсредством. Вымотанные, мы приползли на пляж. Василий продолжал спать. Вот и хорошо, подумала я. Во сне, по крайней мере, его не мучает чувство собственной вины и горечь потери.

Мы искупались, смыв с себя грязь, пот и усталость, пообедали уже опротивевшей всем мелкой костлявой рыбешкой и вытянулись на песке.

– Когда я вернусь к людям, придется остричься наголо, вон какой ужас на голове творится! – с досадой подняла Вероника свою гриву некогда шелковистых, ухоженных волос, теперь больше похожих на пук мочала.

– Да уж, хорошо, что у меня сейчас стрижка, – с облегчением констатировала я.

– Я бы на твоём месте не очень-то радовалась, – злобно заметила дочь. – Твоя причёска больше смахивает на старое воронье гнездо.

Я ощупала руками голову. Точно, так и есть. Сходство усилили несколько веточек и листочков, которые я извлекла из прически.

– Мрак, – сухо констатировала я. – Подстрижемся обе.

– Вот именно, – довольно согласилась Вероника.

– Слышь, Ник, а может, тебе татушку на весь череп сделать, раз такой случай выпал? – невинно предложил Денис.

– Мне это вряд ли пойдет, лучше маме.

За этими шутками-прибаутками мы не заметили, как мрачное подавленное состояние оставило нас, теперь мы сидели на песке, беззаботно болтая и подшучивая друг над другом.

– Кто хочет кокосового молока? – спросил Денис, поднимаясь на ноги.

– Мы!

– Ждите, сейчас будет.

Через пять минут он вернулся, неся в охапке пять увесистых кокосов.

Он бодро шагал по песочку, легкомысленно насвистывая, когда рот его вдруг открылся, а закрыться-то и забыл! Он выронил кокосы и помчался к воде, вбежав в море, наклонился и выловил что-то из воды, у самого берега. Выражение лица, с которым он разглядывал этот предмет, заставило нас вскочить и кинуться к нему. Денис держал в руках яркий пляжный шлепанец.

– Это Анин, – растерянно протянул он его нам.

Вероника зажала рот рукой и испуганно оглянулась на Василия. Слава тебе господи, он спал.

– Что делать? – шепотом спросила я.

– Спрятать! – постучала себе по макушке Вероника.

– Точно! Лучше я ее закопаю, пока он спит, – Денис спрятал тапку в шорты, тихонько взял возле навеса салатную ложку и быстро зашагал к зарослям.

– Думаешь, мы правильно поступаем? – задумчиво спросила я дочь.

– Да. Шлепанец еще ничего не доказывает, а с него и так этих стрессов достаточно, – Вероника кивнула на спавшего отчима. – Представляешь, как он будет убиваться над ним, если увидит?

– Ладно, наверное, вы правы.

Василий протяжно простонал во сне и сел, еще не открыв глаза. Потянулся, разлепил ясные очи и бессмысленно посмотрел на нас.

– Сколько времени?

– Понятия не имею. У тебя есть часы?

– Ах да. А где Денис? – Он рассеянно посмотрел по сторонам.

– Сейчас придет.

– А-а, – понимающе протянул он. – Долго я спал?

– Не знаю, целый день почти.

– Что это вы тут за лесозаготовки устроили?

– Будем плот строить, надо с острова выбираться.

– Твоя идея? – Он взглянул на меня.

– Да.

– Узнаю характер! И как успехи?

– Супер, через четыре дня планирую закончить.

– Ну-ну! – А где... – начал было Василий и вдруг осекся, вспомнив ужасные события последних суток.

– Как только доберемся до людей, сразу же пойдем в полицию, – четко сказала я.

– Ну конечно! Их найдут, вот увидишь, – заговорила с энтузиазмом Вероника.

– Да, – вяло согласился он.

Вернулся Денис. Пока они с Вероникой возились с кокосами, я накормила упирившегося Василия.

- Ты и так отошал, хочешь довести себя до дистрофии? Не выйдет!
- Ругаясь и препираясь со мной, он таки съел свою скромную порцию провизии.
- Дети между тем тоже «весело» проводили время.
- Говорю же тебе, так ты его не откроешь.
- Да, а как?
- Рубить надо, с размаху!
- Дура ты набитая! Так весь сок вытечет!
- Сам дурак!
- Лучше принеси мне камень или доску потолще.
- Зачем? Мозги хочешь на место вправить?
- Не умничай! Используем как разделочную доску.
- Совсем ку-ку? Где я тебе тут камни достану?
- Не мое дело, иди в море поищи. Хоть какая-то польза от тебя будет!
- Дай сюда, я сама все сделаю!

Они дружно вцепились в один и тот же кокос, хотя рядом валялись еще четыре никому не нужных, бесхозных ореха.

- Отвали!
- Сам отвали!
- Это я его нашел!
- Молодец! А я его съем!

– Отдай, тебе говорят! – Денис провел мастерскую подножку, но не тут-то было! Вероника, падая, обхватила его ногами за колени, и они вместе рухнули на песок.

– Люблю семейный отдых, бодрит как ничто другое, – встряхнулся Василий. – Денис, ну кто так дерется? Неужто ты с девчонкой не справишься? Вероника! Швыряй его, помнишь, я тебе прием показывал? Давай, не тушуйся!

Нет, пора кончать это побоище. Я встала, набрала в ведро из-под шампанского воды и вылила на деток.

- Вот вам по кокосу, держайте. Я пошла спать! Вторые сутки без отдыха.
- Договорив, я рухнула на песок и уснула без всяких сновидений.

Утро меня разнообразием не порадовало. Солнце шпарило вовсю. На небе – ни облачка. Море сияет первозданной лазурью. Пора строить плот.

- Семейство! Подъем! – громким командным голосом заорала я.
- А? Что? Ты что, совсем спятила, так орать?! – пришел в себя первым Василий.
- Кто рано встает, тому бог подает, – назидательно процитировала я.
- На фиг в такую рань будить? – очнулся Денис.
- Да уж, мамуля в своем репертуаре, – высказалась, переворачиваясь на другой бок, Вероника.

- А ну, всем подъем! Живо! Плот надо строить.
- Думаю, лучше встать, все равно она не отстанет, – тяжело вздохнул муж.

Лениво потягиваясь и бросая на меня недобрые взгляды, коллектив поднялся и поплелся мыться. Я взяла острогу и пошла в море, добывать завтрак. Улов оказался вполне приличным. Попались две крупные рыбешки, такие нам еще не встречались. Не мудрствуя лукаво, я почистила рыбу и бросила ее в кастрюлю. Через сорок минут мои относительно сытые и довольные родственники заступили на трудовую вахту.

Мужики пошли валить деревья, я – рубить сучья, а Вероника – заготавливать провиант в дорогу. Солнце поднималось все выше, жара становилась все сильнее. Еще полчаса поработаем, и все, сиеста. Продолжим вечером, подумала я. Спину ломит так, что разогнусь я,

наверное, только завтра. Так я размышляла, орудуя ножом. И вдруг раздался странный, сначала негромкий, а потом уже – истошный крик Вероники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.